

Василий Горь

ПРОКЛЯТИЕ КОРОЛЯ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Василий Горь

Проклятие короля

«ЭКСМО»

2011

Горь В.

Проклятие короля / В. Горь — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-52594-2

Зловещее проклятие, наложенное на короля Семиречья Азама Манорра Истового, заставляет его жить в вечном страхе. Подданные любят и уважают его, но короля угнетает мысль о том, что корона в случае его смерти попадет в ненадежные руки сына. А тут еще готовится идти войной на Семиречье король соседней Миардии Матеус Коротышка. Нужно во что бы то ни стало выявить и устранить его пособников в Семиречье. Зашевелились и другие недруги... А в это время в родовом замке Орейн все больше развивает свой магический дар баронесса Меллина. Произошедшие кровавые события вынуждают ее покинуть замок и начать действовать...

ISBN 978-5-699-52594-2

© Горь В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	50
Глава 11	53
Глава 12	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Василий Горь Проклятие короля

Глава 1 Марч Лисица

– Стоп! Останови лошадь, Лисица! – выдохнул Герко. И, не дожидаясь, пока охотник рванет на себя поводья, соскочил с телеги.

– Что случи... – начал было Марч, но, услышав шелест покидающего ножны меча, тут же упал навзничь и вцепился в лежащий рядом сверток. А потом, перекатившись вбок, оказался на земле.

Юркнуть под телегу, спрятаться за колесом, размотать дерюгу, достать и согнуть лук, набросить на его рога тетиву, выхватить из колчана стрелу... – Тело двигалось само, а глаза судорожно шарили по придорожным зарослям, выискивая цель.

– Эй, Лисица! – раздалось откуда-то сверху. – Ну, ты и шустро! Вылезай – ложная тревога... Кстати, знаешь, сколько она с меня взяла?

– А? Да? Кто – она? – выбравшись из-под телеги и на всякий случай встав так, чтобы круп Росинки прикрывал его левый бок, спросил охотник. А потом, приподнявшись на цыпочки, попытался разглядеть, что происходит в облаке дорожной пыли, в котором должна была находиться головная часть обоза.

– Ну, Люсия! Из «Горелого каравая»! – забравшись на свое место, хохотнул Герко. – Я же только что о ней рассказывал...

– Неа... Не знаю...

– Ну, сколько, по-твоему?!

– Небось, серебрушки полторы? – поняв, что свояк от него не отвяжется, буркнул охотник.

– Ага! Полторы она берет с таких придурков, как ты! А с меня взяла всего тридцать пять медяков! Говорит, глянулся я ей...

– Слышь, Герко, а че, точно ложная? – покрутив стрелу между пальцев, встревоженно поинтересовался Марч. – Ведь просто так нас останавливать не стали бы...

– Знаешь, сколько платят эрру¹ Малику за день службы? – вопросом на вопрос ответил воин.

– Откель?

– Пятьдесят серебряных монет! Как ты думаешь, почему?

– Не может быть! – пропустив его вопрос мимо ушей, недоверчиво воскликнул Лисица. – Это же уйма денег!

– Да! Уйма! – гордо подбоченясь, ответил воин. – Но он их отрабатывает! Так что, раз Пепел сказал, что дорога свободна, значит, так оно и есть. Поэтому клади лук на место и залазь на телегу...

Несмотря на уверенность умудренного опытом вояки, снимать тетиву с лука Марч все-таки не стал. Резонно рассудив, что особого смысла в этом нет: все равно через полчаса, когда обоз доберется до поворота в долину Белого Камня, ее придется натягивать снова. Поэтому, запрыгнув на облучок, он подобрал поводья, и, дождавшись, пока тронется телега Беззубого Камши, легонько хлестнул прядущую ушами Росинку. А через мгновение, услышав «слышь»,

¹ Эрр – обращение к магу. (Здесь и далее – примеч. авт.)

Лисица», тихонько вздохнул: судя по выражению лица свояка, Герко, выбравший для отдыха после ночного караула именно его телегу, собирался продолжать рассказ о своих похождениях в «Горелом каравае»...

...За шесть дней пути байки любвеобильного родственника порядком поднадоели, однако прерывать воина Лисица не стал: именно благодаря протекции Герко он двигался по Полуночному тракту не в одиночку, а следом за обозом главы купеческой гильдии Наргина² Лиддика Бороды. И не трясся за накопленные на ярмарке продукты, а спокойно восседал на облучке своей телеги, зная, что под охраной двадцати отборных воинов ему почти ничего не грозит. Правда, первые два дня пути все было не так: он не выпускал из рук лука и практически не спал, почему-то решив, что двадцати воинов на тридцать две телеги – это слишком мало.

Да, определенный резон в таких мыслях был: промышленяющие в предгорьях Ледяного хребта шайки разбойников умудрялись грабить даже те караваны, которые охраняли отряды в пять и более десятков клинков. А потом растворялись в окрестных лесах с богатой добычей. Только вот в тех караванах не было магов. А в караване Лиддика Бороды – был. Причем не какой-нибудь там иллюзионист³ или ритуалист, а самый настоящий стихийник!⁴ Удивительно, но глава купеческой гильдии Наргина умудрился договориться о сопровождении с одним из самых сильных боевых магов Семиречья, эрром Маликом по прозвищу Серый Пепел...

...Когда в облаке пыли, поднятом движущимися по дороге телегами, прорисовались контуры кроны валяющегося на обочине дерева, а под копытами Росинки захрустели обрубки ветвей, Лисица удивленно присвистнул, а потом повернулся к все еще разглагольствующему свояку:

– Герко, глянь: тут дерево на дорогу уронили!

– Засада была, не иначе... – авторитетно заключил воин, лениво приподняв голову с мешка картошки и посмотрев на только начавшую засыхать листву зеленого исполина. – Видать, вчера кого-то грабанули... Я же говорил – тревога ложная! Не по нашу душу...

– Здорово! – искренне обрадовался Марч. – Значит, до дому я доеду без приключений.

– Да чего тебе тут осталось-то? – хмыкнул свояк. – Через полчаса будем у Развилки. Свернешь с тракта – считай, что добрался: на Просеке-то засад не бывает...

– Угу... – усмехнулся Лисица. – Че там ловить-то? Пока какого-нибудь прохожего дождешься, копыта от старости откинешь...

– Точно... А помнишь, когда-то мы считали ее Королевским трактом...

Считать Просеку Королевским трактом можно было только в глубоком детстве. Тогда, когда кривые березки предгорий казались цепляющими небо великанами. Когда для того, чтобы шагнуть в течение почти пересыхающей летом Змейки, требовалось нешуточное мужество. Когда все, что было шире тропы, вытоптанной бредущими на водопой косяками, казалось самой настоящей Дорогой. А таких «дорог» в окрестностях долины Белого Камня было немного. Вернее, всего одна. Та, по которой приходили и уходили менестрели – люди, входящие как в королевские дворцы, так и в имения маркизов, графов и баронов. Счастливики, постоянно встречающиеся с Великими героями, странствующими по миру в поисках приключений, с Принцами, свергнутыми с престола коварными Первыми министрами и собирающими армию своих верных вассалов, чтобы вернуть себе трон. Со страшными Черными магами, которые, запершись в своих жутких башнях, творят лунными ночами злую волибу. В общем, люди, способные не только смотреть и видеть суть происходящих рядом с ними событий, но и слагать о них задушевные баллады.

² Наргин – столица одноименного баронства.

³ Иллюзионист – маг, работающий с воздухом и светом.

⁴ Стихийник – маг, работающий с огнем и холодом, т. е. способный изменять температуру окружающей среды.

Надо ли говорить, с каким восторгом юный Марч слушал их песни? И как до черных пятен в глазах вглядывался в алый диск заходящего за Ледяной хребет солнца, пытаясь на его фоне разглядеть цветные нити силы – признак его будущего могущества? Или иступленно махал собственноручно вырезанными деревянными мечами, пытаясь освоить искусство двуручного боя?

Тогда, в детстве, Большой Мир, о котором он мечтал, был совсем рядом – все эти Герои, Принцы и Маги жили где-то в самом конце спускающейся в долину Дороги. Которую все без исключения дети называли Королевским трактом. А взрослые – почему-то Просекой...

Услышав испуганный всхрип Росинки, Марч мгновенно стряхнул с себя дремоту, вцепился в лук и выхватил из колчана стрелу. И только через пару ударов сердца сообразил, что легкий ветерок, дующий вдоль Просеки, пахнет свежей кровью. Спрыгнув с телеги, он встревоженно всмотрелся в полумрак и почти сразу наткнулся взглядом на изломанное темное пятно, лежащее поперек колеи.

– Стой тут, – приказал он лошади и, наложив стрелу на тетиву, медленно пошел вперед...

...Труп выглядел... жутко: вытянутая вперед правая рука от кончиков пальцев и до плеча была покрыта коркой засохшей крови. Покореженный страшными ударами наручень походил на что угодно, кроме части брони: глядя на него, было страшно представлять, во что должна была превратиться кость, которую он защищал. Лицо воина, уткнувшегося в ямку от лошадиного копыта, выглядело еще хуже – сквозь щеку, рассеченную ударом меча, были видны зубы, на правом ухе не хватало мочки, а в длинном разрезе над правой бровью можно было разглядеть кость.

Меч, лежащий рядом с трупом, выглядел не лучше хозяина – выщербленный по всей длине лезвия клинок, исцарапанная гарда, вмятое «яблоко» наверху. Все, естественно, покрыто кровью и грязью.

А вот кольчуга, обтягивающая спину воина, смотрелась так, как будто ее только что вынесли из кузницы: блеск заботливо смазанных маслом колец приглушала разве что дорожная пыль.

– Дорогая, небось, кольчужка-то... – пробормотал Марч, присел рядом с трупом, с трудом перевернул его на спину и присвистнул: – Да нет. Уже не дорогая...

Спереди кольчуги просто не существовало: рваные дыры, смятые или разорванные кованые кольца. Даже нагрудные пластины и айлетты, защищавшие плечи воина, превратились в куски железа, покореженного страшными ударами мечей и боевых молотов...

– Мда... – кое-как вытерев окровавленные руки о землю, уважительно пробормотал Лисица. И отшатнулся: залитое кровью веко трупа еле заметно дрогнуло и поползло вверх...

– Пи-и-ить...

– Лежи! Я сейчас! – справившись с приступом суеверного ужаса, охотник рывком оказался на ногах. И, оглядываясь чуть ли не на каждом шагу, рванул к телеге. За флягой с водой...

Глава 2

Король Азам Манорр

Слабость накатывала волнами. Мутными, как вода в нижнем течении Аладыри⁵, и холодными, как зимний ветер в ущельях Ледяного хребта. Почувствовав приближение очередного приступа, его величество вжимался спиной в спинку трона, обхватывал руками подлокотники, сводил брови у переносицы и фокусировал взгляд на каком-нибудь участке иллюзорной карты Семиречья, синим маревом дрожащей в центре Зала для размышлений. А потом мрачно вздыхал, и в зале тут же устанавливалась мертвая тишина: члены Малого королевского совета старались не мешать монарху думать...

Холодная волна накатывала с ног. Сначала леденели пальцы и стопы. Потом слабость сводила судорогами икры и бедра, заставляла мелко-мелко трястись пальцы рук, скручивала в тугой узел внутренности и, докатившись до сердца, превращала его в скованный морозом камень. В этот момент Азам обычно вываливался из реальности и погружался в жуткое Безвременье, выматывающее и тело, и душу.

От удара и до удара жилки, бьющейся на виске, проходила Вечность. А шум в ушах становился настолько громким, что заглушал даже собачий брех, доносящийся с псарни. Потом на безымянном пальце левой руки загоралось маленькое солнце, по руке проносилась волна жара, и через какое-то время слабость начинала постепенно отступать.

Битва между теплом и холодом разрывала тело и душу в мелкие клочки. И для того, чтобы не издать ни звука, Азаму приходилось изо всех сил сжимать зубы и молиться Создателю о скорейшем прекращении этой муки. Увы, Создатель реагировал вяло – чудовищная боль уходила только тогда, когда выпивала последние капли силы, остававшиеся у короля. И оставляла после себя струйки холодного пота, бегущие по спине, испарину на лбу и гулкий стук бьющегося о грудную клетку сердца...

Способность связно думать приходила много позже – тогда, когда переставали дрожать пальцы рук, а придворные, одурев от долгой неподвижности, начинали еле заметно шевелиться.

Среагировав на шевеление какого-нибудь члена Внутреннего круга, его величество переводил тяжелый взгляд на проштрафившегося придворного, хмурился и... ничего не говорил: единственным чувством, которое он был способен испытывать после приступа, была безысходность... Потом его взгляд возвращался к карте королевства, задерживался на бело-розовом пятне столицы, и Азам Истовый, пытаясь не показать, что забыл, какой именно вопрос обсуждался перед приступом, негромко интересовался:

– Ну, и что вы предлагаете?

Естественно, первым свое мнение высказывал граф Ладос Грайский, Первый министр Двора и Левая рука его величества. Чуть-чуть косноязычный и поэтому жутко многословный, граф растекался мыслью по древу, и к концу его монолога Азам успевал окончательно прийти в себя, а также вспомнить суть обсуждающихся на Совете проблем.

Как правило, где-то к середине его выступления на среднем пальце левой руки вспыхивало еще одно солнце. По телу монарха прокатывалась волна *Ясности*, и он на время забывал и о слабости, и о липкой от пота одежде, и о Проклятии рода Манорров...

Приступы накатывали часто – в среднем раз в полчаса. И длились минут по десять. Поэтому Совет обычно созывался сразу после обеда. И затягивался до полуночи...

⁵ Одна из семи крупнейших рек королевства.

В этот раз его пришлось созвать сразу после завтрака – вопрос, который требовалось обсудить, не терпел отлагательства, – и монарх, находящийся на грани потери сознания после бессонной ночи, проведенной в борьбе с родовым проклятием, с трудом заставил себя перейти в зал Совета.

Члены Внутреннего круга встретили его церемонными поклонами, однако Азам Истовый, усевшись на малый трон, жестом приказал обойтись без лишних церемоний и, увидев, как его верховный маг активизирует иллюзорную карту Семиречья, чуть не взвыл от бешенства: в груди снова появилось легкое покалывание, а по спине побежала первая струйка пота.

Приступ слабости оказался чрезвычайно обессиливающим – способность здраво мыслить вернулась к Азаму Истовому намного позже активации *кольца Ясности*. То есть тогда, когда граф Ладо Грайский закончил описание возникшей перед королевством проблемы. И даже задал Азаму какие-то вопросы!

Естественно, вспомнить, о чем именно спрашивал министр Двора, его величество не смог. И, разжав сведенные судорогой челюсти, приказал:

– Граф Олиор, я бы хотел выслушать ваши соображения...

Королевский казначей встал со своего кресла, отвесил церемонный поклон, дождался повелительного жеста монарха, сел обратно в кресло и, исподлобья посмотрев на сидящего рядом с ним графа Грайского, тяжело вздохнул:

– Я не согласен с его светлостью. И считаю, что начинать военную кампанию раньше конца весны глупо...

– Я тоже согласен с казначеем, сир. Хотя прекрасно понимаю, что время играет против нас, – поддакнул ему капитан королевской стражи граф Симон Герн. – Матеус Коротышка оклемался от той трепки, которую мы задали ему позапрошлым летом, и в настоящее время активно готовится к новой войне...

– Готовится? – криво усмехнулся граф Олиор. – А мне кажется, что война уже началась. Эдак месяца два с половиной назад.

– О чем это вы, Дитер? – поинтересовался первый камергер Двора, граф Бирен Атанский. – Какая война? С Миардией?

– Да! – одновременно ответили Олиор и Герн и переглянулись.

– Дитер? – нахмурился король.

– Хорошо, объясню, – кивнул казначей, и, кинув взгляд на карту, прокашлялся: – Итак, за последние три месяца по королевству прокатилась волна пожаров. Лонс, Элинвар, Корайл, Ферс, Молаг – от огня пострадали почти все крупнейшие города Семиречья. Напомню, что именно сгорело. В Лонсе, Ферсе и Молаге – и складские помещения пшеничных слобод, и городские склады. В результате эти три города полностью лишились запасов продовольствия. В Элинваре сгорели оружейная и кожевенные слободы. В Корайле – порт, припортовые склады и полтора десятка кораблей, в тот момент находившихся у причалов. Посмотрите на карту, ваше величество, – вас не удивляет, что продовольствие почему-то сгорело только в тех городах, которые располагаются вдоль границы с Миардией? А порт выгорел именно в Корайле? Я считаю, что случайностью тут не пахнет, все эти пожары – результат действий лазутчиков Матеуса Кардиона⁶. Далее, где-то с конца весны в предгорьях Ледяного хребта появились шайки разбойников, умудряющиеся грабить очень хорошо охраняемые караваны. Мне почему-то кажется, что они такие же разбойники, как я – доярка, а их действиями руководит не кто-нибудь, а барон Виттсир, начальник тайной службы Коротышки...

– Какое отношение Виттсир имеет к этим разбойникам? – удивился первый камергер, но, наткнувшись на взгляд Азама, мгновенно замолчал.

⁶ Матеус Второй Кардион по кличке Коротышка – король Миардии.

– Четыре поисковых отряда, посланные в окрестности Ферса, не смогли найти ни одной из этих шаек. Мало того, все четыре моих мага из боевых четверок, осматривавшие места нападения на караваны, в один голос утверждают, что там поработал иллюзионист, – подал голос верховный маг королевства. – Причем иллюзионист с рангом не ниже первой категории.

– Ого! – удивился Бирен Атанский.

– Я тоже думаю, что никакие это не разбойники! – буркнул казначей. – Обычные подорожники⁷ не лезут на хорошо охраняемые караваны. И, вместо того чтобы грабить обозы с продовольствием, оружием, шкурами, крицами, медью и древесиной, нападают на кареты мелкопоместных дворян, не имеющих возможности взять с собой достаточное количество охранников. Это не в пример менее рискованно и гораздо более выгодно. Ведь продать двадцать телег с зерном, не являясь членом пшеничной гильдии, почти нереально. Тем более что после пропажи первых четырех караванов Тайный приказ⁸ роет землю чуть ли не носом, и для того чтобы в этих условиях из раза в раз повторять одно и то же, надо быть идиотом. А эти – словно с цепи сорвались! В результате в Лонсе и Молаге цены на продовольствие уже в восемь с половиной раз выше, чем, скажем, в Дейвине⁹. Городское население в панике и начинает скупать продукты в окрестных деревнях...

– А еще вдоль границы с Миардией активизировалось ночное братство, – хмуро пробормотал капитан королевской стражи. – Несмотря на то что в городах и на дорогах королевства уже введено усиленное патрулирование, количество убийств и грабежей выросло втрое. Кроме того, участились случаи подкупа должностных лиц. Чиновникам Судебного приказа придется расследовать пласт абсолютно новых преступлений – скажем, хищение четырех телег арбалетных болтов и стрел со складов городской стражи в Лонсе, появление фальшивых дворянских патентов с оттисками, практически не отличающимися от оттисков печати из Королевской канцелярии...

– В общем, как я понял, вы считаете, что все вышеперечисленные происшествия – звенья одной цепи? – почувствовав, что полностью отошел от приступа, спросил его величество.

– Да, сир!

– И все-таки убеждены, что начинать войну с Миардией имеет смысл только следующим летом?

– В конце весны, сир, – кивнул граф Герн. – Когда откроются перевалы...

– А почему не сейчас?

Услышав вопрос, капитан королевской стражи опустил взгляд и негромко пробормотал:

– Мы просто не успеем до зимы, сир. Во-первых, даже если мы объявим мобилизацию прямо сейчас, то собрать армию удастся в лучшем случае через двадцать дней. Еще двенадцать-пятнадцать – и она доберется до Ферса. А там – голод. Ну, или почти голод... Обеспечить солдат продовольствием город не сможет... Значит, придется тащить с собой обозы. Причем не от столицы, а с юга...

– В общем, армия доберется до перевалов в лучшем случае к началу осени, – вздохнул король Азам. – Значит, на саму войну нам останется от силы два месяца...

– Да, сир.

– Полтора. От силы полтора, ваше величество! – буркнул верховный маг. – Судя по приметам, зима будет ранней и очень холодной...

– Ладно. Согласен. Планируем кампанию на конец весны, – почувствовав приближение очередного приступа слабости, отрывисто сказал его величество. И, привычно вжимаясь в спинку трона, добавил: – Тогда за зиму нам надо перебросить к пограничным городам доста-

⁷ Подорожники – грабители, промышляющие на большой дороге. Местный жаргон.

⁸ Тайный приказ – секретная служба Семиречья.

⁹ Дейвин – город на юге Семиречья.

точное количество продовольствия, решить вопрос с нашим ночным братством, найти лагерь этих самых «разбойников» и тропу, через которую они переправляют награбленное в Миардию...

– Не исключено, что никакой тропы нет, сир, – вздохнул казначей. – Продукты и древесину можно сжигать, а железо и кожи складировать, дожидаясь, пока Коротышка захва...

...Очередное забытие длилось целую вечность. И было таким сильным, что к моменту, когда сработало первое *кольцо*, монарх находился на грани потери сознания. Чуть не оглохнув от шума крови в ушах, Азам Истовый с трудом сфокусировал взгляд на лице верховного мага. И поймал себя на мысли, что вот-вот рухнет лицом в стол – дрожащие от слабости мышцы отказывались держать спину, и он удерживался в вертикальном положении только благодаря стальным пластинам, усиливающим надетую под мантию кольчугу. Кое-как удержав равновесие, король заставил себя оторваться от спинки трона, сглотнул подступивший к горлу комок и вдруг понял, что до срабатывания *кольца Ясности* может и не дожить.

– ...тогда, эрр Урден, я попрошу у вас десяток стихийников и пару хороших ритуалистов...

– С магами проблем не будет, – не отрывая встревоженного взгляда от короля, буркнул эрр Урден. – Дней через десять будут в вашем распоряжении.

– Благодарю вас, эрр, – довольно улыбнулся граф Герн и тут же развернулся к казначею: – Дитер! Мне нужно закупить две тысячи кожаных стеганок и дублетов, восемьсот...

Сообразив, что придворные перешли к обсуждению мелочей, король Азам собрался с силами и, решив, что сможет произнести нормальным голосом не более двух-трех предложений, оторвал правую руку от подлокотника:

– Совет закончен. Все остальное обсудите без меня. Эрр Урден, что там с вашими исследованиями?

...Короткая прогулка по дворцу вымотала короля так, что, оказавшись в лаборатории верховного мага, он, вместо того чтобы сесть в свое любимое резное деревянное кресло, в буквальном смысле упал на испещренный рунами алтарь.

– Все. Больше не могу. Кольца уже не помогают...

– Сейчас, сир, – мрачно пробормотал эрр Урден и, закатав рукава мантии, открыл дверцу массивного шкафа с артефактами.

– До чего же не вовремя эта война, – глядя на тощую спину верховного мага, грустно выдохнул Азам. – Еще бы года два-три... Чтобы Руис набрался опыта и сил... Увы, для того, чтобы взойти на трон сейчас, он еще слишком юн, наивен и мягок... А до весны я, видимо, не доживу...

– Насчет его высочества вы совершенно правы, сир, – выглянув из-за дверцы шкафа, кивнул маг. – А насчет ухода в Сияние – поторопились. Вам еще жить и жить. Надо просто чуточку подождать. Месяца три...

– Я... не уверен, что нет другого выхода, Урден! – скрипнув зубами, выдохнул монарх. – И что мне это действительно надо...

– Другого выхода нет, сир, – отозвался маг и, подбросив на ладони несколько разрисованных непонятными символами деревяшек, угрюмо посмотрел на сюзерена: – И вам это, конечно же, не надо. Надо Семиречью. Народу, который живет в мире и благоденствии только благодаря вам. Скажите, сир, как вы думаете, если вы сейчас уйдете в Сияние¹⁰, его высочество сможет удержаться на троне?

Король Азам Манорр отрицательно покачал головой:

¹⁰ Уйти в Сияние – вознестись в местный аналог рая.

– Нет. Как только слухи о моей смерти дойдут до Матеуса Коротышки и Добба Лысого, как они двинут свои армии к Лайнте...¹¹

– К этому времени в Семиречье уже будет новый король. И по всей территории королевства будет идти резня. Между вашими верными вассалами и теми, кто будет выслуживаться перед новым верховным сюзереном, – криво усмехнулся маг. – Ваше величество, заговорщикам не надо собирать армию, не надо тащить обозы через перевалы, не надо осаждать пограничные крепости и захватывать крупные города. Для того чтобы взять власть в свои руки, им достаточно убить одного человека. Вас или вашего сына...

– На одной чаше весов – моя честь и жизнь моего сына, а на второй – жизни моих вассалов, чья вина еще не доказана, – вытянув перед собой руки и посмотрев на свои трясущиеся пальцы, пробормотал король.

Маг возмущенно подскочил на месте и уставился на своего сюзерена:

– А о своем народе вы уже забыли? Даже если смена династии произойдет абсолютно бескровно, в чем я очень сомневаюсь, то Коротышка и Лысый исправят это досадное упущение. Ваше величество, на первой чаше весов – жизни десятков тысяч жителей Семиречья. Жизни горожан, которые погибнут во время осад, крестьян, которых походя порубятдвигающиеся к столице миардианцы и угерийцы, тех, кто умрет от голода после окончания войны, тех, кто...

– Хватит! – зарычал король. – Скажи, тебе не надоело повторять одно и то же? И вообще, ты слышал мои последние слова? Вина заговорщиков НЕ ДОКАЗАНА!

– Для меня верность короне и королю – не пустые слова, сир! – после небольшой паузы ответил маг. – Я буду говорить то, что считаю единственно верным, и столько, сколько нужно для Семиречья и вас, ваше величество. Мало того, я не заткнусь даже на плахе! Если есть желание – можете проверить... А насчет вины... Да, я прекрасно понимаю, что мы вынуждены нарушать Закон. Но ведь другого выхода у нас нет: у заговорщиков наверняка есть кто-то при дворе, и если до них дойдут слухи о том, что мы в курсе их замыслов, то они изменят свои планы. И тогда мы уже не сможем выстроить ту цепочку «совершенно случайных событий», которые позволят нам лишить их возможности осуществить задуманное...

– Прости, Урден... – выдохнул король. – Я знаю, что ты – мой самый преданный вассал и настоящий друг. Просто я никак не могу смириться с тем, что вынужден поступиться своей честью. И ненавижу себя за это... А еще за то, что слаб, за то, что тебе и твоему сыну придется отдавать мне свою жизненную силу, лишь бы удержать меня по эту сторону Грани... Я уважаю тебя, люблю свой народ, и... Эх... Будь у меня хоть один шанс *уйти*, не теряя лица, *ушел* бы, не задумываясь...

– Я знаю, сир, – кивнул верховный маг. Потом аккуратно уложил короля на алтарь и передвинул его правую руку так, чтобы она заняла нужное для ритуала положение.

...Смотреть, как Щепка расставляет вокруг алтаря рунные камни и куски дерева, покрытые непонятными символами, у короля не было сил. Поэтому, закрыв глаза, он принялся ждать, когда верховный маг закончит все необходимые приготовления.

Как обычно, ждать пришлось довольно долго. И к моменту, когда по лаборатории поплыл сладковатый запах каких-то трав, Азам Истовый балансировал на грани между реальностью и сном. Впрочем, стоило ему почувствовать запястьем прикосновение ритуального ножа, как сонливость словно ветром сдуло:

– Что, уже все готово?

– Да, ваше величество. Через десять минут вы будете в полном порядке.

– Я – буду... А ты? Опять будешь отлеживаться в своих покоях?

– Ну, сутки-двое, и я снова буду на ногах. Зато вам станет значительно легче...

– Ну да... Дней на десять... – горько вздохнул монарх.

¹¹ Лайнта – столица Семиречья.

– Нет. На восемь. Или на семь: ваш организм постепенно слабеет, – отозвался эрр Урден. – Но семь дней – это тоже немало: к тому времени мне привезут довольно сильного Одаренного... Спокойнее, сир! Он – убийца! Из ночного братства Дейвина. И уже приговорен к четвертованию...

– А-а-а... Но, все-таки...

– Не шевелитесь, сир! Я начинаю...

Глава 3

Баронесса Меллина Орейн

Не успела я сделать и двух шагов по ступеням Колокольной башни, как сверху донесся голос Дирка:

– Баронесса, вы?

– Угу... – буркнула я и, подобрав юбки, рванула вверх по лестнице. Резонно рассудив, что, зайдя в башню, скрылась от взглядов досужих служанок. Считающих, что я, то есть «ее милость баронесса Орейн», обязана передвигаться только медленным шагом и в их сопровождении. Дабы внушать вассалам своего отца должное уважение.

Слава Создателю, что отец никогда не прислушивался к мнению женской половины населения замка. И не запрещал мне практически ничего, считая, что *его* дочь вправе принимать решения самостоятельно. Хочешь научиться стрелять из лука? Пожалуйста! Только стрелять придется часами, наравне с обычными солдатами, без всякого там сюсюканья или поблажек. Решила научиться владеть мечом? Изволь! Только потом не говори, что у тебя не поднимаются руки и ты не можешь встать с постели.

Не знаю, как у других, а у меня бы язык не повернулся назвать такое отношение вольницей. Ибо ошибок папа не прощал. Никаких. За проступком всегда следовало наказание. За Поступком – награда.

Наказывая меня за мои проделки, папа всегда был воистину безжалостен. Оценивая мои достижения – предельно скуп на похвалу. И улыбался по очень большим праздникам: когда возвращался из военных походов и из редких поездок в столицу или к друзьям. В такие дни он даже позволял себе потрепать меня по волосам...

Увы, мне этого не хватало. Нет, я не мечтала о пристрастности – стремление к справедливости, отраженное на гербе нашего рода¹², не обошло стороной и меня. Но вот так и не смогла понять, почему за пятнадцать лет, которые прошли со дня смерти моей мамы, нельзя было научиться улыбаться просто так...

Полная темнота, царящая на лестнице, мне не мешала – тоненькая ниточка сигнальной паутины, собственноручно протянутая от входной двери и до верхнего этажа башни года четыре назад, в *истинном зрении*¹³ светилась едва заметным белым светом и неплохо освещала потертые каменные ступени. Поэтому до верхнего этажа Колокольной башни я добралась намного быстрее, чем смогла бы любая из моих служанок. И, отпихнув от двери выглядывающегося в темноту друга детства, заулыбалась. Однако поздороваться мне не удалось: Дирк, отлетевший к одной из бойниц, наморщил нос, оглядел меня с ног до головы и ехидно усмехнулся:

– Простите, баронесса, но в вашем возрасте бегать по замку с задранными до пупа юбками уже как-то неправильно, что ли...

Мое «доброе утро, Зубастик» умерло, еще не родившись. Дослушав фразу до конца, я свела брови у переносицы и, уперев кулаки в бока, грозно прошипела:

– Тебя что, давно не пороли?

– Давно, ваша милость, – захлопав ресницами, кивнул этот малолетний хам. И уточнил: – С тех пор, как я получил свой первый щит¹⁴.

– И как давно это было? – приподняв бровь, грозно спросила я.

¹² Девиз рода Орейнов – «Справедливость превыше всего».

¹³ **Истинное зрение** – вид зренья, позволяющий видеть нити силы. Доступно только Одаренным и магам.

¹⁴ **Получить первый щит** – выражение, означающее совершеннолетие.

– О-о-очень давно...

– То есть месяц назад? В канун праздника Урожая?

– Ну, где-то так...

– Да-а-а!!! Действительно давно. Значит, твоя спина уже успела отдохнуть... И соскучиться по розгам...

– И ничего она по ним не соскучилась, ваша милость! – Дирк издевательски подчеркнул мой титул, посмотрел мне в глаза и, заметив мой взгляд, выставил перед собой ладони: – Я пошутил! Просто пошутил! Не надо, Мел!

– Значит, говоришь, «в моем возрасте»? – перейдя на истинное зрение, буркнула я. – Значит, говоришь, «баронесса»?

– Да Мел ты, Мел!!! – взвыла надежда и опора замка Орейн. Но было уже слишком поздно: я дотянулась до горячей на стене комнаты *сторожевой печати*¹⁵, накинула на две белые нити тонюсенькую перемышку, и часть плетения, образующая печать Острого взгляда, поменяла конфигурацию.

– Это тебе за «возраст», «баронессу» и «вашу милость»... – дождавшись, пока в измененной печати перераспределятся потоки силы, пробормотала я. И, подумав, навесила на парня печать Малого сна. И влила в нее добрую половину своего резерва. А потом с интересом уставилась в глаза Зубастика.

Мгновенно ослепнув, Дирк вцепился рукой в стену и зашипел от злости. А потом криво усмехнулся:

– Не очень-то и страшно... Ну, похожу до конца смены, держась руками за стены. А когда спущусь вниз, все, наверное, пройдет...

– Ну, как тебе сказать? – ослепительно улыбнулась я и, присев на покрытую овчиной лавку, приготовилась ждать.

– Это еще не все? – видимо, поняв, что одной слепотой я решила не ограничиваться, спросил он. И душераздирающе зевнул.

– Я просто не люблю повторяться...

Следующие минуты две Дирк пытался рассуждать о возможностях одной слишком юной магини, не способной даже толком отомстить своему обидчику, и с ностальгией вспоминал о временах, когда обращение на «вы» в ее адрес вызывало более серьезные проблемы для «обидчика»: кровотечение из носа, проблемы с желудком или потерю сознания. Я внимательно слушала его разглагольствования, пытаясь почувствовать момент, когда руна Малого сна перебьет действие сторожевой печати. И, наконец, дождалась: запутавшись в очередном умопомрачительном аргументе, парень вдруг зевнул и потер ладонями лицо:

– Мел! А... это... про что я говорил?

– Не помню, – усмехнулась я.

– Странно... Я – тоже... Что-то меня ноги не держат...

– Не вздумай садиться в моем присутствии! Я баронесса или как? – хихикнула я, глядя, как он пытается сползти по стене на пол.

– Ну, разреши, пожалуйста! – Дирк снова зевнул, при этом чуть не вывихнув себе челюсть.

– Я против! Хотя... так и быть, садись: в ТВОЕМ ВОЗРАСТЕ бдеть всю ночь еще, пожалуйста, рановато.

Зря я это сказала – почти закрывшиеся веки Зубастика дрогнули... и поползли вверх. А потом побледневший как полотно парень принялся ожесточенно бить себя ладонями по щекам:

– Мел! Не надо меня усыплять! Я больше не буду!

– А что тебя так испугало? – ехидно поинтересовалась я.

¹⁵ **Сторожевая печать** – плетение школы Разума, воздействующее на сознание часовых.

– Скоро обход... Если меня поймают спящим, то я получу пятьдесят плетей. И какую-нибудь позорную кличку. А еще... твой отец НИКОГДА не сделает меня десятником!

– А ты не спи! Кто тебя заставляет-то?

– Издеваешься? – изо всех сил стараясь удержаться на ногах, еле слышно пробормотал парень. А потом, выхватив из ножен кинжал, воткнул его в свое бедро.

– Одурел, что ли?! – взывала я. И, увидев, как быстро пропитывается кровью его штанина, вскочила на ноги и от души врезала ему кулаком в живот. А потом зашипела от боли в костяшках, разбитых о его дублет:¹⁶ – Я же пошутила!

Не обращая внимания на мои вопли, Дирк пошевелил клинком в ране и застонал.

Вывернуть кинжал из его пальцев оказалось несложно – мышцы, расслабленные моим плетением, упорно отказывались сокращаться. Поэтому через мгновение, отшвырнув кинжал, я уже стояла на коленях, и, подпитывая своей силой ближайшие к ране каналы жизни¹⁷, судорожно сращивала рваную бахрому кровеносных сосудов и каналов чувств¹⁸.

Хорошо, что основное плетение сторожевой печати действовало и на меня – благодаря обострившемуся слуху я услышала сопение заснувшего Зубастика еще до того, как он начал валиться на меня. И успела дотянуться до печати Малого сна, разорвать плетение и упереться ладонями в его живот за мгновение до того, как он рухнул мне на голову.

Мда. Задача оказалась не из легких – прежде чем сторожевая печать вымела из сознания Зубастика всю сонливость, я успела проклясть и свою мстительную натуру, и желание немного поэкспериментировать, и посетившее меня «озарение». Поэтому, когда пригибающая меня к полу тяжесть внезапно исчезла, я почувствовала себя счастливой. И оказалась в этом не одинока: Зубастик, уставившийся на меня сверху вниз, сиял, как снег на полуденном солнце:

– Фу... Надо же, я уже не сплю! Слушай, Мел, а как ты это сделала? Ведь тут – *сторожевая печать*! Не заснешь, даже если захочешь... Так! А... давай, когда я сменюсь, мы так же усыпим Борова? Говорят, ему сегодня в караул...

– Угу... – кивнула я. И, закончив накладывать на рану плетение Малого исцеления, встала на ноги и... сдуру повторила свой коронный удар кулаком в живот.

Увы, пробить и стеганый дублет, и мышцы брюшного пресса, не вкладывая в удар *силу*, оказалось нереально. Поэтому, полюбовавшись на довольную физиономию Зубастика, я сменила тактику. И просто щелкнула ничего не видящего перед собой парня по носу:

– Если я усыплю Борова, то его застукает кто-нибудь из десятников. И, конечно же, доложит об этом Шраму. Шрам, сообразив, что без магии тут не обошлось, тут же рванет к Лагару. Брат, естественно, доложит папе, а папа... Перед отъездом на границу с Миардией папа *в моем присутствии* пообещал эрру Маалусу, что если я еще раз что-нибудь намагичу, то его повесят...

– Повесят? Мага? – воскликнул пытающийся протереть глаза Дирк. – Так! Стоп! Ты – намагичишь, а его повесят? Так он-то при чем? И почему «в твоём присутствии»?

– Мне кажется, папа догадался, что я все-таки учусь...

– Как это? Ведь эрру Маалусу запрещено...

– Да! – перебила его я. – Запрещено! И он, как и обещал отцу, меня НЕ УЧИТ! Но... иногда магичит в моем присутствии. А еще иногда «забывает» рисунки базовых плетений разных школ там, где я могу на них наткнуться...

– Уважаю! – восхитился Зубастик.

¹⁶ **Дублет** – кожаная куртка со стеганой подкладкой, использовавшаяся как поддоспешник, или самый дешевый доспех для пехотинцев.

¹⁷ Каналы жизни соответствуют меридианам течения ци в рефлексотерапии.

¹⁸ **Каналы чувств** – нервная система человека.

– В общем, папа придумал очередной способ заставить меня отказаться от Высокого искусства, – вздохнула я. – Теперь ответственность за жизнь эрра Маалуса лежит на мне... И у меня «есть время» вспомнить о том, что женщина должна думать только о муже и детях!

– Ну... положим, о муже и детях думать тебе еще рановато... – стараясь не смотреть мне в глаза, солгал Дирк.

– Какой же ты гад! – сообразив, что он вспомнил о моем недавно состоявшемся совершеннолетье, возмутилась я. – Замуж я пока не собираюсь!!!

«Ну, и кто тебя будет спрашивать?» – промелькнуло в его глазах.

Однако вслух он сказал совсем другое:

– Нет, все-таки насчет твоего обучения магии барон неправ: да, пусть, как ты говоришь, скорость восполнения твоего запаса силы у тебя практически никакая, и в Академию тебя не примут, но маг Жизни, пусть даже очень слабый – это редкость! Один на тысячу, если не больше. Поэтому тебя надо учить! Даже насильно... Эх, будь я на месте твоего его милости...

– Будь ты на месте папы, думал бы так же, как он: «Маг Жизни принадлежит короне. А значит, лишен всякой свободы выбора...»

– Но ты же целая баронесса! Кто тебя заставит? И потом, ты же все равно нас лечишь! Если бы не твое умение, ту же Мафу похоронили бы как минимум дважды... И ее второго ребенка – тоже...

– А ты знаешь, чего мне это стоило? Любой нормальный жрец¹⁹ третьей категории и выше поставил бы ее на ноги за полчаса! – взвыла я. – А я смогла ее *удержать* только под линией *силы*! На крыше донжона, под дождем! И вливала в нее *жизнь* аж восемнадцать часов!

– Ну и какая разница, где и сколько? Удержала же?

– Ты не понимаешь... – вздохнула я. – Вот ты – воин. Тебя учат сражаться с мечом и щитом. А теперь представь себе, что ты стоишь в проломе крепостной стены, на тебя несется атакующая лава, а в твоих руках – иголка и наперсток! Причем тяжелые, как вот эта башня! Много ты с ними навоюешь?

– Все равно не отступлю, – набычился Зубастик. Потом подумал... и ткнул пальцем в свое бедро: – Нет, этот пример не годится: видишь, кровь УЖЕ остановилась! И нога у меня НЕ БОЛИТ! Кто еще так может? Эрр Маалус? Или эрр Валин?

– Эрр Маалус – иллюзионист. Эрр Валин – стихийник. Соответственно, ни один, ни другой в принципе не в состоянии лечить...

– А ты – в состоянии. Значит, ты – маг Жизни. Самый настоящий. И если будешь заниматься, то когда-нибудь станешь архимагом...

Представив себя в зеленой мантии мага Жизни, я расхохоталась:

– Ха! Архимаг, говоришь? Архимагов Жизни не бывает... А вот позаниматься действительно стоит... Кстати, выдумщик, ты не будешь против, если я тут немножечко поэкспериментирую?

– Опять на мне? – Дирк сглотнул подступивший к горлу комок.

– Угу... хочу кое-что попробовать... – призналась я. – Ты не бойся, я только что пробовала плетение на курице и поросенке... Они выжили и выглядят совершенно счастливыми...

– Спасибо сказали? – грустно улыбнулся парень.

Я отрицательно помотала головой.

– Неблагодарные... – вздохнул он. – Пробуй. Только сначала сними с меня слепоту. И... учти, что я в карауле, и если меня застанут в неподобающем часовому состоянию...

– Не застанут, – ухмыльнулась я. – Я что, зря тянула сюда сигнальную нить?

¹⁹ Жрец – жаргонное название магов школы Жизни.

Глава 4

Марч Лисица

– Ну и где тебя носило столько времени? Пятый день ждем...

Услышав голос Китса Черенка, Марч с трудом стряхнул с себя липкое забытие и сфокусировал взгляд на лице деревенского кузнеца, невесть как оказавшегося перед мордой Росинки.

– Че молчишь-то? Язык проглотил?

– Мутит меня что-то... – буркнул Лисица и, вспомнив о раненом, испуганно повернулся к прикрытому дерюгой телу.

– В пот бросает? Кашель есть? Покажи грудь... – отшатнувшись, встревоженно воскликнул Черенок.

– Не бойся, не огневица, – удостоверившись, что раненый все еще дышит, Марч рванул ворот рубахи и продемонстрировал кузнецу чистую, без алых пятен и кровавых язвочек, кожу.

– Ну, мало ли... – смутился Китс. – Просто морда у тебя серая. И глаза мутные – прям как с перепою...

– Так, наверное, с перепою и есть! – хохотнул возникший рядом с братом-близнецом Растик Оглобля. – Небось, взял в Молаге пару бурдюков с красненьким. Ну, и прикладывался всю дорогу...

– Угу... – мрачно отозвался Лисица. – Хотел бы я посмотреть, как ты на пару с бурдюками с вином груженую телегу до Просеки бы довез...

– А я бы в нее и не впрягался! – расхохотался Оглобля. – Для этого, вон, кобыла есть...

Поддерживать пустопорожний разговор Китс не стал. Сделав пару шагов вперед и внимательно осмотрев грудь Лисицы, он облегченно перевел дух и, виновато пожав широченными плечищами, шагнул к телеге:

– Крицы привез? Почем брал? А-а-а... это кто?

– Раненый... Подобрал на дороге... Дворянин... Если доживет до Ярены – заработаю немного денжат...

Несмотря на недюжинную физическую силу близнецов, втащить груженую телегу на перевал удалось только к полуночи. К этому времени горы затянуло густым туманом, и вымотанный до смерти Марч грязно выругался: спускаться в долину Белого Камня ночью, да еще не видя звезд, было форменным самоубийством.

– Мда... Застряли... – стянув с себя мокрую от пота рубаху, мрачно пробормотал он. И покосился на мечущегося в лихорадке раненого: – Как думаешь, Черенок, доживет он до рассвета?

– Нет, – буркнул кузнец. И, приложив пальцы к шее воина, уверенно добавил: – Еще часа три. От силы – четыре...

– Тогда надо нести его к Ярене, – вздохнул Лисица. – Прямо сейчас.

Оглобля молча кивнул.

Китс почесал подбородок, задумчиво посмотрел куда-то сквозь грязно-серую стену тумана и решительно хлопнул ладонью по бедру:

– Несите вдвоем. Я останусь с телегой... Кстати, поосторожнее там, у Ледышки, – одесную²⁰ от нее скала крошиться начала. Как бы на голову не упала...

²⁰ Одесную – то есть справа... (устар.).

...Изба Ярены вынырнула из тумана неожиданно: буквально мгновение назад Марч видел перед собой только широченную спину, бычий загривок и коротко стриженую голову Растика, а потом над ней возник скат пятистенки деревенской знахарки.

– Фу... Добрались... – аккуратно опуская носилки рядом с крыльцом, облегченно выдохнул Оглобля. И с интересом посмотрел на неподвижное тело раненого: – Ну что, он еще живой?

– Вроде, да... – прислушавшись к еле слышному дыханию дворянина, кивнул Лисица. И, в два прыжка оказавшись у двери, забарабанил по ней кулаком.

В избе тут же послышался душераздирающий скрип кровати и недовольное кряхтение проснувшейся старухи. А вскоре за дверью раздался встревоженный голос:

– Улвас, ты? Что, схватки начались?

– Это не Улвас, – хмыкнул Растик. – А че, Кара все еще не разродилась? Говорили же, что надясь должна была...

– Оглобля, ты, что ли? – удивленно спросила Ярена.

– Угу. И Марч... Раненого тебе приволокли...

– Он что, уже верну... Какого раненого? – В сенях что-то загрохотало, потом заскрежетала дверь, и в проеме возникла щупленькая фигурка почти отжившей свой век старухи: – Ну, и что стоите? Раненый-то где?

– Тут, у крыльца. На носилках, вона, лежит...

– Пройти дайте! – Ярена бесцеремонно уперлась сухонькими ладошками в живот Марча и, не дожидаясь, пока он сделает шаг назад, сдвинула парня в сторону. – Та-а-ак... Ну, и что у нас тут приключилось? – сбежав по ступенькам и присев на корточки рядом с носилками, негромко пробормотала Ярена. А потом взвизгнула, упала навзничь, перевернулась и, мгновенно оказавшись на четвереньках, быстро-быстро поползла к поленице!

– Ярена! Ты что? – выдохнул растерявшийся охотник. И, увидев, с какой скоростью передвигается разменявшая шестой десяток лет женщина, зачем-то выхватил из-за голенища засапожный нож.

– Куда ты? Постой! – с небольшим запозданием взвыл Оглобля. И, добежав до знахарки, упершейся лбом в поленицу, рывком поставил ее на ноги и развернул к себе лицом: – Хватит трястись! Говори – что с ним не так?

– Эта... она... силу... – залепетала женщина. И, вывернувшись из рук парня, юркнула за его спину.

– Объясни нормально! – взбесился Растик. И, мгновенно развернувшись, пару раз встряхнул дрожащую, как в лихорадке, женщину.

Хорошая встряска оказалась весьма кстати – только зашипев от боли в прикушенной губе, Ярена наконец смогла оторвать взгляд от носилок. А потом, уперев руки в бока, прошептала:

– Вы что, совсем сбрендили, недоумки? Зачем вы его ко мне принесли? Я... мне еще рано *уходить*.²¹

– А никто тебя и не заставляет, – буркнул Марч, и, заметив, что все еще сжимает в руке нож, подумал и убрал его за голенище. – Хватит говорить загадками! Объясни нормально!

– *Печать* на нем видите?! – взвыла старуха. И, сообразив, что видеть *нити силы* ее себе-седники не в состоянии, тяжело вздохнула: – На вашем раненом висят плетения, которые... которых... ну... просто не может быть... Или... в общем, я о таких даже не слышала... Не понимаю, как, но они тянут жизнь из всего, что рядом... Из того, что само – живое... А потом вливают в его тело!

– Как это? – удивился Оглобля.

²¹ *Уходить* (в Сияние) – т. е. умирать.

– Очень просто! С таким количеством мелких ран долго не живут! – продолжая трястись, пробормотала старуха. – Если бы вы видели, что творится в его каналах силы и чувств! На *сеть* просто смотреть страшно! То, что он все еще не *ушел*, заслуга не его организма, а этой самой *печати*... Ладно, Создатель с ней! Скажите мне лучше, где вы его подобрали...

– Нашел я. Один. На Просеке... Неподалеку от Полуночного тракта... – хмуро отозвался Лисица. – Лежал поперек колеи...

– Ну и оставил бы его там! Зачем он тебе был нужен?

– Хороший меч. Кольчуга. Следы от колец на пальцах. Серьга²² бастарда в левом ухе... – пожал плечами охотник. – Я уверен, что он найдет чем заплатить за спасение своей жизни. В общем, если ты его вылечишь, то я поделюсь с тобой пятой частью того, что получу после его выздоровления.

– Я к нему даже не подойду! – истерически взвизгнула Ярена. – Никогда и ни за какие деньги! Сколько мне осталось? Год? Два? Три? Я хочу прожить все время, отмеренное мне Создателем! А он... он выпьет меня за несколько часов!

– Даже так? – удивился Марч. И, вспомнив свое состояние перед тем, как подъехать к перевалу, испуганно посмотрел на знахарку. – Так! А... сколько эта тварь выпила у меня?

– Понятия не имею! – фыркнула старуха. – Кстати, и с тебя, и с Оглобли он подпитывается до сих пор...

– Недолго ему осталось! – нехорошо усмехнулся Растик, и, выдернув из поленницы чурбак поувесистей, двинулся к носилкам. – Никогда не любил магов: от них одни неприятности...

– Он – не маг. Совершенно точно. Печать на него наложена... – буркнула старуха. И, увидев, что Оглобля поднимает полено, заорала: – Не бери грех на душу! Он-то при чем?

– А что мне делать? – остановив замах, спросил здоровяк. – Ждать, пока он выпьет и меня, и Лисицу, и всех тех, кто к нему приблизится?

Марч задумчиво посмотрел на раненого, на полено в руке Растика, потом перевел взгляд на знахарку и негромко поинтересовался:

– А эту *печать* снять нельзя?

– Смеешься? – Старуха посмотрела на него, как на юродивого. – Я тебе что, маг Жизни? С моим запасом силы я могу только заговорить кровь, убрать боль и... кое-что еще... Будь я хоть чуточку сильнее, меня бы тут не было...

– Было бы, не было бы... Нашли тему для разговора... Что с этим-то делать будем? – хмуро глядя на Ярену, спросил Растик. – Может, просто выбросить за околицу и дело с концом? Все равно лечить ты его не собираешься...

– Мда... – вздохнул Марч. – А я надеялся получить с него как минимум два золотых...

– Сколько?! – одновременно воскликнули знахарка и брат кузнеца. – Целых два?!

– Вы его меч не видели! – Лисица подергал себя за бороду и расстроено сплюнул. – Небось, обошелся ему в целое состояние...

– Так, может, его и продадим?

– Ну, если твой брат сможет привести его в нор... – начал было Марч, но договорить не успел – старуха внезапно всплеснула руками и вцепилась в свои космы:

– О чем ты говоришь? Какие «два»? Эта печать должна стоить не меньше пятидесяти. А то и ста! Ста полновесных монет! Значит, за спасение своей жизни он отвалит нам... не меньше двадцати!

– Ты же только что сказала, что не собираешься его лечить! И ни за что к нему не подойдешь! – ехидно ухмыльнулся Марч, расслышав в голосе знахарки нотки алчности.

²² **Серьга** – в этом мире дворянина от простолюдина можно, кроме всего прочего, отличить по серьге в левом ухе.

– А зачем подходить-то? – искренне удивилась старуха. – *Печати* моя помощь не нужна – вон, кровь давно заговорила, жар уже сгоняет... Побольше *жизни*, регулярное питание – и через пару месяцев он даже сможет самостоятельно ходить...

– Ну, и чьей жизнью мы с ним будем делиться? – хмуро поинтересовался Оглобля. – Мне своей как-то не хочется...

– Дурень! – фыркнула Ярена. – Твоей-то зачем? Отвезите его в Седое урочище и оставьте в кошаре... Овец там – море... Каплю жизни с каждой – и он быстро придет в себя. А животные даже не почувствуют. Впрочем, если парочка-другая и подохнет, то включим их стоимость в плату за лечение...

– А... кто смотреть-то за ним будет? – задумчиво почесав в затылке, поинтересовался Марч. – Кормить, поить, мыть? Одними овцами тут не обойдешься!

– Марыська! – пожала плечами старуха. – Чай, не первый мужик в ее руках... Сказать, чтобы держалась подальше, и все...

– А... Рогатине говорить будем? – Оглобля вернулся к пленнице и аккуратно положил полено туда, откуда взял. – Староста все-таки...

– Угу... – кивнул Лисица. – Будем. И не только говорить, но и делиться...

Глава 5

Мейн Лоуд Молния

Первую половину дня мейн Лоуд умирал со скуки: в том, что делали на полигоне лучшие студенты третьего курса стихийного факультета, не было ничего интересного. Обладатели алых нашивок на ученических мантиях²³ старательно выплетали канонические печати, наполняли их силой и обрушивали на несчастные мишени. Неподвижные деревянные манекены, облаченные в стеганки, кольчуги, кожаные или бронзовые нагрудники, то и дело вспыхивали, трескались, покрывались льдом или инеем. И наглядно демонстрировали скорость создания и наполнения плетений и точек их фокуса, а также дистанцию, на которой был способен работать будущий боевой маг.

По сути, все те навыки, которые демонстрировали экзаменуемые, пока никуда не годились. Плетения создавались крайне медленно и в непосредственной близости от студента; обретя форму, печати начинали двигаться к мишени с небольшими задержками, а достигнув точки срабатывания, не всегда оказывались достаточно мощными. Но самым слабым местом всех этих Огненных плетей, Ледяных копий и Солнечных брызг была концентрация. Будущие стихийники каким-то образом умудрялись отвлекаться на все, что угодно, включая даже разговоры экзаменаторов! Впрочем, ничего удивительного в этом не было – работать против мечников, под дождем стрел или в секторе атаки боевых магов их еще не учили.

Нет, конечно же, среди них были и своего рода самородки – трое подающих надежду ребят искренне старались копировать работу студентов пятого-седьмого курсов: создавали плетения не линейно, на безопасном расстоянии от себя и порой даже изображали что-то похожее на *трансформацию* – создание боевого заклинания из нескольких небоевых. Однако во всей их работе не было главного – новизны. Того, что архимаг называл Созиданием: все их печати от первого и до последнего штриха повторяли базовые. И даже создавались так, как рекомендовали преподаватели...

Зато после обеда этой самой «новизны» должно было быть предостаточно: предсказать, во что преобразуют канонические *печати* перепуганные атмосферой экзамена посредственности, было практически невозможно...

...Первое же плетение, которое создал обладатель потрясающего по объему запаса *силы*, но тупой, как обух топора, Гешер Дубина, вызвало у эрра Лоуда неподдельный интерес: вместо того чтобы превратить мишень в кусок льда, безумная паутина из алых линий почему-то окутала ее облаком из превратившейся в пар бронзы. А через мгновение до столов, за которыми восседала экзаменационная комиссия, донесся ужасающий смрад – судя по всему, какая-то из частей плетения заставила мгновенно сгнить кожаные ремешки, крепившие панцирь к опорному столбу...

Принимать участие в обсуждении бесталанности Дубины, от отката заклинания покрывшегося инеем с ног до головы, архимаг не стал – закрыв глаза, он старательно запоминал только что увиденную структуру. Стараясь успеть до того, как перестанет действовать активированная им руна Ясности...

– Простите, что прерываю ваши раздумья, мейн²⁴, но в Академию только что прибыл верховный маг его величества Азама Манорра эрр Урден!

Услышав еле слышный шепот возникшего за спиной ученика, Молния чуть было не выругался вслух: мало того, что появление в Элинваре верховного королевского мага должно

²³ Алая нашивка на мантии демонстрирует статус отличника.

²⁴ **Мейн** – уважительное обращение к ректору Академии.

было помешать ему собрать достаточное количество материала для будущих исследований, так еще и наверняка сулило очередные крупные неприятности.

Еще раз пробежав взглядом по узловым точкам запоминаемого плетения и уверившись, что гарантированно сможет создать такую же структуру, архимаг открыл глаза и хмуро поинтересовался:

– Ну, и где он сейчас?

– В вашей приемной, мейн! – Деррик опустил взгляд и виновато пожал плечами.

– Ясно... – вздохнул Молния: судя по выражению лица ученика, и в этот раз эрр Урден отказался от ванны, обеда и возможности отдохнуть с дороги.

Тем временем в центр полигона вышел очередной студент – Винс по прозвищу Затычка. И, церемонно поклонившись экзаменационной комиссии, повернулся к выбранной им мишени.

Вглядевшись в создаваемое им плетение и не увидев ничего интересного, архимаг вздохнул, встал и, прикоснувшись к плечу декана стихийного факультета, угрюмо пробормотал:

– Дальше без меня. Там эрр Урден приехал. Пойду узнаю, что ему от нас надо...

– Хорошо, мейн, – вскочив на ноги и склонив голову, ответил маг. И, услышав характерное шипение устремившегося к цели Ледяного копья, тут же забыл про уходящее начальство.

Увидев возникшую на лице подчиненного ухмылку, мейн Лоуд оглянулся. И, всмотревшись в то, что теперь вдохновенно ваял Затычка, расстроено покачал головой – судя по отсутствию в плетении блокирующей руны, в ближайшее время магу Жизни, присутствующему на экзамене, должна была подвалить работенка...

...Вопль студента, обожженного собственной Огненной плетью, Молния услышал уже во дворе. И демонстративно постучал себя пальцем по голове.

– А я стараюсь, мейн! – тут же отозвался следующий за ним Деррик.

– Угу... Конечно, стараешься... – раздраженно буркнул мейн Лоуд. – А пряжку собственного ремня ты вчера расплавил, конечно же, специально...

– Так я просто не успевал, мейн! Вы же видели – ко мне неслось Облако льда, и если бы я не...

– Если бы не твоя тупость, ты бы выиграл бой на первой же минуте! – рыкнул Молния и, кивнув воинам, охраняющим вход в Алую башню, рванул на себя дверную ручку.

...За полгода, прошедшие с последнего визита в Элинвар, эрр Урден ничуть не изменился – впалые, покрытые трехдневной щетиной щеки, узкий, похожий на лезвие топора, нос, прячущиеся глубоко под надбровными дугами глаза. А еще – оттопыренные уши, тоненькая, как у цыпленка, шея, и теряющиеся в рукавах мантии жилистые руки.

В истинном зрении верховный маг его величества смотрелся не лучше – весьма посредственный запас силы, каналы, развитые на уровне не самого хорошего студента выпускного курса Академии, и аура, испещренная мутными, с темными разводами, оттенками темно-красного и грязно-зеленого цветов²⁵.

А вот мелкопластинчатая бригантина²⁶, надетая эрром Урденом прямо поверх мантии ритуалиста, в истинном зрении смотрелась просто ужасающе: чуть ли не каждая четвертая пластина, просвечивающая²⁷ сквозь зеленый бархат, горела какой-нибудь руной! Причем не просто так – фигура королевского мага была укутана в кокон из доброго десятка сложнейших плетений, большинство из которых взаимодействовало между собой!

²⁵ Темные оттенки красного в ауре человека – свидетельство того, что он жаден до удовольствий, агрессивен, вспыльчив, коварен и ненадежен. Грязно-зеленый – это хитрость, предательство, зависть...

²⁶ **Бригантина** – доспех, наклепанный под суконную основу.

²⁷ **Просвечивающая** – в истинном зрении.

«Ничуть не удивлюсь, если окажется, что и тело у него сплошь покрыто татуировками...²⁸» – мысленно усмехнулся архимаг. И, церемонно поздоровавшись со Щепкой, перевел взгляд на его спутников.

Оба телохранителя, с разноцветными татуировками на лицах, в юшманах²⁹ поверх длинных, до колен, кольчуг, смотрелись не менее угрожающе, чем их хозяин – защищенные рунами чуть ли не от всех видов магии, они могли выдержать две-три атаки пары хороших стихийников. Или выстоять минуты три против доброго десятка мечников.

По достоинству оценив пластику и стать обоих телохранителей, Молния перевел взгляд на третьего спутника эрра Урдена. Если бы не пустой, абсолютно ничего не выражающий взгляд и не силовой поводок, идущий к эрру Урдену, молоденькую и довольно симпатичную жрицу второй категории можно было бы принять за содержанку...

– Вы удовлетворили свое любопытство, мейн? – решив, что молчание слишком затянулось, раздраженно поинтересовался эрр Урден. – Может, все-таки спросите, что именно пришло меня в вашу Академию?

– Простите, эрр, но я привык обсуждать серьезные вопросы с глазу на глаз, – стараясь не реагировать на хамство, ответил Молния.

– Это – мои телохранители. Вопрос, который я бы хотел обсудить, не настолько серьезен, чтобы требовать *полной* конфиденциальности! – вздернув подбородок, воскликнул маг.

– Как скажете... – быстренько вогнав себя в состояние многопоточного мышления и активировав кольцо Ясности, ответил мейн Лоуд: во время беседы с королевским магом стоило иметь в запасе возможность для маневра.

– Я приехал к вам с просьбой. Его величеству срочно нужен десяток хороших стихийников и три-четыре ритуалиста...

– Увы, с хорошими помочь не смогу, эрр. «С плохими, впрочем, тоже», – мысленно поморщившись, пожал плечами архимаг. – Сейчас осень. Время сбора урожая, а значит, больших денег. Соответственно, все боевые маги уже давно разъехались по королевству и заключили договора на работу. Вы ведь не забыли, что у них есть такое право?

– Не забыл... – скрипнул зубами верховный маг его величества.

– Тогда о чем я вам рассказываю? Они сейчас мотаются по дорогам, защищая караваны, богатых купцов или землевладельцев...

– Его величеству нужны маги, способные работать в группах Черных Соколов. Немедленно...

– Не понял? – удивился Молния: о том, что в элитном подразделении королевской стражи появились потери среди магов, он не знал. И поэтому решил слегка разговорить своего собеседника: – А что, своих вам уже не хватает?

Щепка раздраженно потер потеющие ладони и нехотя ответил:

– У нас возникла необходимость отправить два десятка поисковых отрядов в предгорья Ледяного хребта. Есть подозрение, что шайки разбойников, грабящие обозы, – специально подготовленные группы воинов тайной службы Миардии...

– Что ж. Возможно, вы правы... – Мейн Лоуд задумчиво посмотрел сквозь мрачного, как ночь, гостя. – Однако мне кажется, что ваше требование... как бы помягче выразиться?... – несколько преждевременно. Еще не весна. А в этом году мы УЖЕ отправили в Лайнту четыре десятка магов. То есть выполнили свои обязательства перед короной. Как, впрочем, и во все предыдущие годы...

– Вы что, совсем не следите за тем, что происходит за стенами вашей... Академии? – разозлился эрр Урден. – Забудьте хоть на минуту про обязательства, студентов и экспери-

²⁸ Татуировки тоже могут быть использованы в рунной магии.

²⁹ **Юшман** – кольчато-пластинчатый доспех.

менты! Задумайтесь о том, что Матеус Коротышка спит и видит себя на троне Семиречья! Вы, как верный вассал его величества, как должностное лицо, облеченное его доверием, должны...

– Ну, положим, вассалом его величества я не являюсь. А вот как лицо, заключившее договор о размещении моей Академии на территории этого королевства, я должен РЕГУЛЯРНО получать двадцать процентов от налогов, которые ее выпускники платят в королевскую казну, – фыркнул Молния. – И еще по пять тысяч золотых в год на развитие учебной базы... Кстати, в этом году суммы, насчитанной нам Казначейством, хватило только на то, чтобы починить крышу конюшни, обрушившуюся во время урагана!

– Вам не кажется, что сейчас не лучшее время, чтобы говорить о деньгах? – побледнев от бешенства, прошипел верховный маг.

– Не хотите – не будем... – пожал плечами мейн Лоуд. – Тогда я предлагаю обсудить вопрос о дате переезда Академии в Вюртц...

– Ку-у-да?

– В Вюртц, – деловито разгладив помявшийся о столешницу рукав мантии, архимаг изобразил на лице улыбку. – За последние полтора года его величество Карес Зейн четырежды предлагал мне перебраться в один из пригородов столицы его королевства...

– Да, но Гледорр – это не Семиречье! – взвыл эрр Урден.

– Я в курсе, – кивнул Молния. – Зато там на нужды Академии будет выделяться по десять тысяч золотых в год. То есть ровно вдвое больше, чем здесь. И полагающаяся нам доля с налогов будет не двадцать, а тридцать процентов. А еще всему преподавательскому составу обещаны дворянские патенты... Кстати, чуть не забыл – под Академию предлагается комплекс зданий родового гнезда графов Шетценов. Вы видели, какого размера этот замок?

– И что вас все еще держит в Элинваре? – справившись с потрясением, спросил верховный маг.

– Даже не знаю... Может быть, привычка? Как-никак пятьдесят два года на одном месте. Впрочем, я постепенно склоняюсь к мысли, что быть таким инертным, наверное, не стоит...

Эрр Урден напрягся. По его бригантине пробежали тоненькие ручейки силы, а на лице выступили капельки пота. Одновременно с этим в глазах его телохранителей начали лопаться мелкие капилляры, а их каналы жизни ощутимо посветлели: получив команду от лидера боевой четверки, маг Жизни активировала все наложенные на воинов печати и принялась готовить их к атаке.

Дав гостю пару секунд на напитывание энергией боевых плетений, архимаг холодно улыбнулся и указал пальцем на потолок:

– Советую обратить внимание во-о-от на эту печать...

Да. Оказаться в фокусе готовой к активации печати Бессилия эрр Урден был явно не готов. Поэтому, вместо того чтобы деактивировать свои плетения и дать отбой тройке своих спутников, следующие минуты полторы он потрясенно молчал. И Молния, порядком уставший от мельтешения нитей силы, был вынужден чуточку его поторопить:

– Если она вас не смущает, то можете начинать...

– Начинать? Что именно, мейн? – На лице верховного мага расцвела ослепительная улыбка, а сияние рун на юшманах его воинов мгновенно угасло.

– Излагать свои предложения, – усмехнулся архимаг. – Помните, вам были нужны маги?

– Да... Даже очень... Но прежде, чем обсуждать эту потребность, я хотел бы выполнить просьбу королевского казначея и принести глубочайшие извинения в связи с чудовищной ошибкой, допущенной его подчиненными при подсчете полагающейся Академии суммы. Виновные уже наказаны. Причем строжайшим образом. А вексель на недополученные средства вы сможете получить хоть завтра у бургомистра Элинвара...

– Передайте графу Олиору, что его извинения приняты. – Мейн Лоуд церемонно кивнул, а потом снова уставился в глаза своему гостю. – И что я искренне рад сотрудничать со столь добросовестным и преданным короне дворянином...

– Обязательно передам, – приложив руку к груди, пообещал королевский маг. И, «вспомнив» о потребностях его величества, начал набирать в грудь воздух...

Ждать, пока Щепка озвучит еще какой-нибудь «очень убедительный» аргумент, мейн Лоуд не стал. Задумчиво посмотрев на гостя, он хлопнул по столу правой ладонью и сокрушенно вздохнул:

– Увы, свободных стихийников и ритуалистов у меня действительно нет. Однако я могу выделить вам нужное количество студентов выпускного курса: они на днях сдали очередные экзамены и готовятся к осенней практике. Думаю, что Черных Соколов они не разочаруют. Вас устроит такое предложение?

– Лучше, чем ничего... – стараясь не морщиться, пробормотал эрр Урден.

– Вот и хорошо. Тогда завтра вечером они будут в вашем распоряжении...

– А-а-а... сегодня никак? – хмуро поинтересовался королевский маг. – Или хотя бы завтра с утра?

– Увы... Им же нужно выдать хоть какие-то средства на пропитание... А получить деньги, как вы сказали, я смогу только завтра...

Глава 6

Баронесса Меллина Орейн

Здоровенный голыш с активированной руной Огня нагрел бочку с водой минут за пятнадцать. К этому времени я успела стянуть с себя сапоги, кольчугу, поддоспешник, штаны, мокрое от пота белье, распустить волосы и даже подобрать платье, которое надену после мытья. Правда, платье я подобрала крайне быстро, согласившись с первым же из предложенных моей наперсницей вариантов.

Поняв, что я опять довела себя до изнеможения и почти ничего не соображаю, Ойра расстроенно вздохнула, аккуратно положила на кровать «выбранное» мною зеленое платье и присела на краешек пуфика, стоящий рядом с открытым настежь окном.

Ее молчание было красноречивее всяких слов – девушка отказывалась понимать, зачем такой высокородной даме, как я, тратить уйму времени на всякую ерунду. В частности, на многочасовые тренировки под руководством старого Нашта, пусть даже некогда и считавшегося восьмым мечом Семиречья. По ее мнению, вместо того чтобы прыгать по плацу в компании «потных и грязных мужиков», мне надо было сидеть в своих покоях, подальше от глаз вездесущего эрра Валина и вышивать. Или, на худой конец, развивать свой дар жреца.

В общем-то, с последним утверждением я никогда не спорила – работать с силами и плетениями мне было интереснее, чем с оружием, – но искусством боя на мечах занималась не менее исступленно, чем мой сводный брат Крегг, умудрившийся за какие-то четыре года дослужиться до должности личного телохранителя отца.

Причина такого фанатизма была предельно проста: ажурная вязь, которую можно было рисовать вокруг себя мечом, напоминала мне Высокое искусство. Отдельные удары, блоки или перемещения ассоциировались с базовыми рунами. Связки и тренировочные комплексы – с каноническими печатями. Свободные бои на мечах – с теми же боями, только с использованием *силы*. В общем, на тренировках я тоже творила магию. Магию движения. И при этом чувствовала себя совершенно счастливой, так как в искусстве владения мечом у меня было хоть какое-то будущее. А в Высоком искусстве его не было. Вообще...

Да и о каком будущем может идти речь у мага Жизни? Те, чей уровень силы – вне категорий³⁰, могут претендовать на место знахаря в полуразрушенном родовом замке какого-нибудь захудалого семейства. Или в одном из немногих независимых городишек и деревень Пограничья. Жрецы четвертой и третьей категории – на *печать* разумника на бритом затылке и строгий ошейник силового поводка лидера четверки³¹. Или тот же поводок, только принадлежащий какому-нибудь вшивому диагносту³². Ну а остальные – на смерть в день своего появления на свет...

Да, у меня, как у урожденной дворянки с силой вне категорий, был еще и третий путь – забыть о магии, выйти замуж и рожать детей. Но такая перспектива радовала как-то не очень...

«Эх, родился я стихийником, разумником или, на худой конец, ритуалистом – все могло быть совершенно по-другому! – невесть в какой раз думала я, механически вращая перед собой малюсенькую печать Безмолвия, некогда показанную мне эрром Маалусом. – Тогда я бы могла работать с боевыми плетениями, мотаться с отцом по пограничным гарнизонам и

³⁰ **Грань** – жаргонное обозначение минимального уровня силы, с которого маг может претендовать на поступление в Академию.

³¹ **Лидер четверки** – как правило, маг-стихийник, командир основной боевой единицы смешанных подразделений, в которую, кроме него, входят жрец и два воина.

³² Маг-разумник, управляющий даром вверенного ему жреца и являющийся старшим в целительской «двойке» городской клиники.

жить насыщенной событиями жизнью настоящего мага. А сейчас мне остается только мечтать, тупо запоминать всевозможные плетения и экспериментировать со своими перемычками. Еще немного – и превращусь в ходячую библиотеку базовых рун и канонических плетений. «Скажи-ка, девочка, на что похожа эта печать, если смотреть вот с этой стороны?» – спросит меня какой-нибудь бесталанный маг. И я тут же выпалю: «Конечно же, на руну Истинного холода! Только без перекладки вот тут и вот тут...»

«А что будет, если мы соединим их перемычкой?» – от имени этого самого мага спросила себя я.

И... вытаращила глаза, увидев, как на поверхности воды вдруг начали появляться малюсенькие кристаллики самого настоящего льда!

– Рогатину мне в задницу! – выпалила я и, вырвав из плетения обе перемычки, выскочила из бочки.

– Ваша милость!!! – покраснев до корней волос, взвыла Ойра. – Ну, что это за выражения?

– А? Что? – не отрывая взгляда от начавших подтаивать льдинок, спросила я.

– Я говорю, что высокородные дамы так выражаться не должны! Что же вы так торопитесь-то? Вона, весь пол водой залили... Эх... Давайте я помогу вам вытереться...

Почувствовав прикосновение подогретого полотенца, я, наконец, справилась с шоком и, развернувшись, уставилась на служанку:

– Этого не может быть! Понимаешь? Печать Безмолвия относится к школе Жизни, а печать Истинного холода – к школе Льда!! В них разная сила!!!

– Вы это о чем, ваша милость? – прижав полотенце к моей груди, Ойра удивленно посмотрела на меня.

– Да так... Просто удивилась... – буркнула я и, перейдя на истинное зрение, снова нащупала активатор руны Огня на голыше, до сих пор валяющемся на дне бочки. А потом отпихнула от себя продолжавшую меня вытирать наперсницу и снова запрыгнула в воду: – Нет, пожалуй, я еще не домылась...

К обеду я спустилась с получасовым опозданием. И, усаживаясь в кресло, была так рассеянна, что чуть не смахнула со стола стоявшую на самом краю тарелку. Естественно, мое состояние не осталось незамеченным: эрр Валин, по обыкновению сидящий напротив меня, мрачно свел брови у переносицы и по-хамски поинтересовался:

– Что, никак не уймется? Опять со своей силой экспериментировали?

– Вы забыли добавить «ваша милость»! – прошипела я, почувствовав, что к лицу приливает кровь.

– Ваша милость! Вы опять экспериментировали со своей силой? – с легкой издевкой в голосе спросил маг.

– С чего вы взяли, эрр? Вы что, заметили убыль в моем запасе? Или видите на мне новые плетения? – холодно спросила я, понимая, что каждое мое слово обязательно достигнет ушей отца.

– Нет, но мне кажется...

– Если вам что-то кажется, то я советую обратиться к эрру Маалусу! Зрительные галлюцинации – его вотчина. Три-четыре часа работы – и вы навсегда забудете о галлюцинациях, видениях и кошмарах...

– Ваша милость, давайте не будем играть словами. Вам это все равно не поможет, – убрав со лба сальную прядь волос, гнусенько ухмыльнулся Крыса. – В чем не поможет? Ну, как вам сказать? Я УВЕРЕН, что вы ОПЯТЬ нарушили запрет вашего отца. Соответственно, очень скоро в нашем замке появится вакансия на должность одного из магов. В частности, нам будет

очень не хватать того самого иллюзиониста, к которому вы меня зачем-то пытаетесь отправить...

В зале мгновенно стало тихо. Поваренок Минька, пытавшийся положить на мою тарелку кусок жаркого, превратился в ледяную статую. Дворецкий Жак, как обычно, стоящий у двери, впервые на моей памяти изменился в лице и побледнел. А пытавшийся сделать глоток вина эрр Маалус покрылся красными пятнами.

Единственным человеком, не обратившим никакого внимания на завуалированную угрозу Крысы, оказался мой брат Лагар! Вместо того чтобы хоть как-то среагировать на слова охамевшего мага, он спокойно впился зубами в сочащийся маслом кусок пирога и даже зажмурился от удовольствия!

Увидев такую реакцию наследника лена Орейн на свои слова, эрр Валин ослепительно улыбнулся и добавил:

– В общем, на вашем месте я бы попрощался со своим наставником уже сейчас. Ибо, когда придет ваш отец, такой возможности вам может и не представиться...

Услышав грохот, с которым мое кресло упало на пол, Лагар оторвал голодный взгляд от блюда с кабаниной и, удивленно посмотрев на меня, поинтересовался:

– Ты куда, Мел? А поесть?

– Спасибо, чего-то мне не хочется... – пробормотала я и, присев в реверансе, выскочила из трапезной...

...Мда... Крыса, вдруг почувствовав себя победителем, успокоиться не пожелал. Поэтому сразу же после обеда приперся на задний двор, где эрр Стрег Огниво обычно терзал десяток наших лучших мечников, добываясь от них идеальной слаженности и предельной скорости передвижения при нападении на боевую четверку.

Увидев, что я восседаю в своем любимом кресле и смотрю, как Огниво раз за разом разряжает защитные плетения атакующих его двоек, эрр Валин отвесил мне издевательский поклон:

– Еще раз добрый день, ваша милость! Интересно смотреть, правда? Видите, сколько мощи в плетениях школ Огня и Льда?

– Угу... – мрачно буркнула я, косясь на стоящего в пяти шагах мага.

– А знаете, каково чувствовать себя истинным владыкой Жизни и Смерти? – Крыса поставил правую ногу на валяющийся на земле деревянный тренировочный щит, скрестил руки на груди и задрал подбородок, в точности повторив позу, в которой неизвестный скульптор запечатлел великого Шенара Завоевателя, чью статую я видела перед королевским дворцом в Лайнте.

– Владыка Жизни и Смерти? – недоверчиво переспросила я. – Как это? Ведь плетения школы Жизни вам, стихий...

– Зачем они мне? – догадавшись, куда я клоню, ухмыльнулся маг. И, вытянув руку в сторону кузницы, сплел *печать* Огненного шторма. Причем не классического размера полтора локтя в диаметре, а раза в четыре больше. А потом, красуясь передо мной, начал напитывать ее силой. – Смотрите внимательно, ваша милость! Стоит сплести точку фокуса, ну, скажем, на груди того же Витта Сапога, как про его жизнь можно будет забыть. Согласны? То есть для него я и есть тот самый Владыка...

– И... для всех тех, кто сейчас находится здесь, на заднем дворе? – испуганно уточнила я.

Крыса довольно осклабился и кивнул:

– Вы поняли меня совершенно точно...

– А как же эрр Стрег? – с надеждой посмотрев на прекратившего занятие мага, поинтересовалась я. – Он ведь тоже стихийник. Причем далеко не самый слабый...

Маг повернул голову в сторону своего коллеги, воинственно взмахнул левой рукой... и исчез в чудовищной вспышке!

– Мел! Открой глаза! Ты меня слышишь? Мел!! Ну же!!!

Для того чтобы среагировать на крики и шевельнуть веками, мне потребовалось собрать в кулак всю свою силу воли. Сфокусировать взгляд на лице склонившегося надо мной брата оказалось еще сложнее – для этого пришлось справиться с волной страшной слабости, накатившей на меня сразу же после того, как я поняла, что в принципе способна что-то видеть.

– Ваша милость! Сплетите печати Бесчувствия и Великого восстановления!! Быстрее!!! Сейчас амулет сдохнет! – услышав голос эрра Маалуса, я закусила губу и чуть не потеряла сознание от жуткой боли: судя по ощущениям, мое лицо превратилось в один сплошной ожог.

– Ну же, ваша милость! Плетите!!!

«Да... Сейчас...» – хотела ответить я и поняла, что не смогу: просто боюсь пошевелить губами.

– Печати Бесчувствия и Великого восстановления! Сейчас же!! Пожалуйста!!!

Решив, что Облачко зря просить не будет, я заставила себя перейти на истинное зрение... и ужаснулась: сети моих каналов жизни и чувств стали похожи на рванный рыбацкий невод, пульсирующий всеми оттенками черного. Кровеносные сосуды выглядели не лучше – алое облако воспаления, окутавшее мое лицо, шею, плечи и верхнюю часть груди, смотрелось, как лесной пожар, а черная корка отмирающей кожи – как панцирь вареного рака...

«Ну, и на кого я сейчас должна быть похожа?» – промелькнуло где-то на краю сознания.

«На обгоревшее полено...» – сама себе ответила я. И, кое-как справившись с накатившей на меня волной дикого ужаса, заставила себя сконцентрироваться и сплести печать Бесчувствия. Как обычно – маленькую и чрезвычайно жалкую. Мысленно вдохнув, я замкнула ее на свой резерв и, не дожидаясь, пока плетение заполнится хотя бы наполовину, принялась за следующее...

Способность соображать пришла еще до того, как я закончила плести печать Великого восстановления. И, еще раз осмотрев себя в истинном зрении, решила, что ее будет недостаточно. Поэтому следом за ней я сплела печать Великой жизни, все двенадцать базовых рун гармонизации основных каналов жизни, а потом, для полного счастья – еще восемь рун второстепенных.

– Какая же вы умничка, ваша милость! – видимо, наблюдая за тем, что я творю, пробормотал эрр Маалус. – Эх! Вам бы скорость восполнения хоть чуточку повыше, и...

– Что вы имеете в виду? – перебил его Лагар. – Она что-то делает?

– Все, что может, ваша милость! Где-то минуты через полторы баронесса перестанет чувствовать боль; через пять-шесть ее кожа начнет восстанавливаться, а через полчаса к процессу излечения подключится весь организм...

– То есть она что, выживет?

– Да, ваша милость! – В голосе Облачка прозвучала такая искренняя радость, что я чуть было не расплакалась.

– А-а-а... говорить она сможет? Я имею в виду, сейчас...

– Сможет, но я бы рекомендовал воздержаться... Хотя бы в течение двух дней...

– Да, но я бы хотел...

– Простите, что перебиваю, ваша милость, но сейчас психика вашей сестры находится в крайне неустойчивом состоянии... – Голос эрра Гвилла Умника доносился до меня словно сквозь толстое пуховое одеяло. – Пара лишних вопросов – и ее милость может сойти с ума...

– Вы так считаете? – встревоженно спросил брат.

– Да, ваша милость, – отозвался разумник. – Эрр Маалус прав: единственное, чем мы сейчас можем помочь баронессе, это оставить ее в покое...

– Тогда... Эй, Керги! Майт! Бегом за носилками!

Глава 7

Крегг Молчун

– Ну что, ублюдок! Попался? – усмехается Лечи. И, вцепившись левой рукой в ворот моей рубашки, подносит к моему носу правую и медленно сжимает ее в кулак. – Страшно?

Нет. Не страшно. Скорее смешно: стараясь казаться как можно более грозным, сын сапожника усиленно хмурит брови, выпячивает подбородок и щурит глаза. Вернее, один. Правый. Ибо левый щурить уже некуда: благодаря здоровенному черному синяку, переливающимся всеми оттенками синего и черного, он давно не открывается.

– Теперь-то ты от нас не убежишь... – скалится Подошва и, периодически поглядывая на своих друзей, клещами вцепившихся в мои плечи и руки, кривит губы в «жуткой» ухмылке.

Оскал получается что надо: между покрытыми запекшейся кровью губ Лечи я замечаю обломки его верхних зубов. И улыбаюсь в ответ...

– Улыбаешься? – Подошва бледнеет от беженства и отводит кулак чуть ли не себе за спину. – Зря...

Замах сына сапожника вызывает у меня еще одну улыбку – если бы его увидел старый Наит, то, наверное, умер со смеху. Впрочем, шансов увидеть это чудо у него практически нет: доходяги вроде Лечи воинами не становятся...

Покрытые грязью костяшки приближаются к моему лицу ужасно медленно – я успеваю рассмотреть белесый шрам на первой фаланге безымянного пальца, ссадины на среднем и указательном и торчащий вперед сустав мизинца. А за мгновение до удара рывком сдвигаю голову в сторону и вперед...

Увы, дотянуться лбом до носа промахнувшегося парня мне не удается. Мешает жуткая вспышка боли в плечах, вывернутых его друзьями.

– Ах ты тварь! – шипит Лечи и, схватив меня за шею двумя руками, пытается ударить коленом в живот.

Попытка скрутить бедра и корпус отдается еще одной вспышкой боли. Во всем теле! Причем такой острой, что я на мгновение перестаю соображать. И, чтобы не дать Подошве вышибить из меня дух, изо всех сил напрягаю мышцы живота...

Видимо, слишком поздно: жуткая боль, зародившаяся в правом подреберье, связывает чудовищным узлом мои внутренности, потом жгучим пламенем прокатывается по груди, бедрам, рукам и... даже по спине!

О, Создатель! Как больно! Но ведь такого не может быть! Или... может? Неужели эта тварь пырнула меня ножом?! Или... это сделали те, что стоят сзади?

– Не дергайтесь, ваша милость, – усмехается Подошва. И я, услышав тембр его голоса, заставляю себя открыть глаза.

– Не дергайтесь, ваша милость! Ну, пожалуйста!! Да вы вообще меня слышите?! – раздраженно спрашивает тот же голос, и я с трудом фокусирую взгляд на силуэте склонившегося надо мной человека.

Лечи? Называет меня на «вы»? С чего это? Так! Какой же это Лечи? Длинные волосы... Плечи слишком узкие... А это что? Грудь? Так, это же женщина! А... где же Лечи?

– Да, слышите... Наверняка... – сама себе отвечает женщина. И тянется ко мне рукой.

Я тут же чувствую прикосновение ко лбу чего-то холодного и влажного, а потом на меня снова накатывает боль: лоб начинает пульсировать и гореть так, как будто на него насыпали раскаленных угольков...

– Потерпите немного, ваша милость, – видимо, увидев, как меняется выражение моих глаз, просит она.

Я на мгновение прикрываю веки. А потом приподнять бы голову, чтобы осмотреться.

Зря я это затеял – в животе вспыхивает такая боль, что я не понимаю, как удерживаюсь в сознании. Недовольное фырканье моей сиделки доносится до меня, как сквозь толстое ватное одеяло:

– Лучше не шевелитесь, а то швы разойдутся...

«Швы?» – мысленно повторяю я и... вспоминаю.

– Засада! Справа!! Иллю... – звук глухого удара, и в глазнице эрра Дишра возникает хвостовик арбалетного болта.

«Дзанг! Дзанг!» – раздаётся где-то сзади.

И я, вскидывая щит и срываясь с места, краем уха слышу чей-то жуткий хрип.

– К бою!!! – орет Ярн Двурукый.

Потом его заглушает боевой клич барона Нолада... и время вдруг замедляет свой бег. И не только замедляет, но и раскалывается на мелкие кусочки.словно зеркало, упавшее на каменный пол...

Сначала приходят звуки – шелест покидающего ножны меча; глухие удары во вскинутый перед собой щит, в который по очереди втыкаются аж четыре стрелы; ржание коня его милости. Потом – отдельные картины первых мгновений боя: перекошенное лицо Гелса Лысого и его белые от напряжения пальцы, которыми он тщетно пытается вытянуть из раны арбалетный болт; свивающаяся в мелкие вихри дорожная пыль, почему-то двигающаяся по направлению к моим ногам, переливающаяся всеми цветами радуги листва склоненных над дорогой деревьев...

Чуть позже картинка ненадолго темнеет, почему-то начинает отдавать красным... и вдруг перестает быть бессвязной. А потом перед моими глазами возникает один из первых кусков воспоминаний...

...Я стою в строю телохранителей барона Орейна и, взглядываясь в многоцветье мелькающих перед глазами пятен, думаю о предсмертных словах нашего мага. Мысли какие-то ленивые, медленные и шевелятся так, как будто к каждой привязано по здоровенной наковальне. Мелькание красок замедляет их все больше и больше, и в какой-то момент я вдруг чувствую тошноту.

«Иллю... это же иллюзионист!» – вдруг мелькает в голове. И моя рука сама по себе устремляется к шее, на которой висит связка амулетов...

Шипы больно впиваются в пальцы. Ура! Он! Амулет Чистого разума! Криво ухмыляясь, сжимаю его изо всех сил и чувствую, как овальная деревянная пластинка превращается в угольную пыль.

Серо-зеленая вспышка перед глазами – и фантасмагория красок мгновенно пропадает. А я тут же наталкиваюсь взглядом на тело Биера Косматого и вздрагиваю: в груди и правом боку мечника торчат четыре арбалетных болта и две стрелы! Сжимаю зубы, поднимаю взгляд... и вижу шеренгу из полутора десятков стрелков, открыто стоящую шагах в сорока от дороги, рядом с опушкой!

«Как на стрельбище...» – мелькает в голове.

А потом я слышу словно со стороны свой собственный рев:

– Это иллюзионист! Ломайте амулеты Чистого разума!!

– Чистый разум!!! – подхватывает Ярн. – Шевелитесь, недоумки!!!

...Смещаюсь влево. Упираюсь щитом в щит Делина Щетины и раздраженно рычу:

– Ну же, Ярн!!!

– Молчун! Щетина! Прикройте четверку! – кричит десятник.

Я, кивнув, приседаю на одно колено и, закрывшись щитом, осматриваюсь.

Жаба и оба мечника из прикомандированной к нам боевой четверки, закинув щиты за спину, волокут к пылающей карете его милости раненного в живот и бедро жреца. Маг Жизни совершенно спокоен. И смотрит перед собой остановившимся взглядом...

«Хорошо, если магичит...» – мелькает в голове, и я срываюсь с места...

Четыре шага, которые мне нужно сделать для того, чтобы закрыть мага своим щитом, я проскакиваю буквально за секунду. И успеваю подставить щит под одну из летящих в жреца стрел.

Справа от меня тут же раздается еще один глухой удар.

– Твари! – бормочет присевший рядом Щетина.

Стенки из четырех щитов хватает за глаза – пока мы с мечниками перехватываем стрелы, Жаба, наконец, подтаскивает мага Жизни к стальной стене «башины». И, скользнув за щиты телохранителей его милости, облегченно выдыхает...

Там, за двумя рядами щитов, то и дело раздаются голоса его милости и десятника Ярта: барон Нолад и Двурукий пытаются оценить уровень подготовки и количество атакующих. И спорят, стоит или нет отступить к противоположной опушке.

«Какая разница?» – мелькает в голове. – Если у них – иллюзионист, то уйти нам не дадут. Как только сдохнут амулеты, мы превратимся в слепых котят. В мишени для стрелков. И каленые наконечники стрел одинаково быстро выкосят нас и в лесу, и на дороге».

На мой взгляд, надо атаковать: умрем – так не одни. И как мужчины – в бою...

«А сколько их, кстати?» – сам себя спрашиваю я и, на мгновение приподняв голову над щитом, оглядываю опушку.

Синее пятно за спинами стрелков выхватываю краем глаза. И, присев, обрадованно усмехаюсь: а вот и маг! Иллюзионист! Тот самый, кто через несколько минут превратит окружающий лес во что-то, известное ему одному.

– Ярт! Четвертый стрелок справа! За ним – кусты... Видишь?

– Ты нашел мага? – удивленно спрашивает мой командир.

– Ага... – отвечаю я и, сместившись вправо, поочередно ловлю щитом еще четыре стрелы...

– Жаба! Идешь с Креггом! Молчун!! Маг – ваш!!!

...Восемь мечников в юшманах. Под юшманами – длинные кольчуги. В руках – круглые, окованные сталью щиты. И спаты³³.

В пяти шагах за воинами – он. Высокий, болезненно худощавый рыжебородый мужчина в синей³⁴ мантии, сжимающий в руке боевой посох.

– Восемь мечников и маг. Против нас двоих... А еще – стрелки...

«Плохо... – думаю я. И тут же пытаюсь себя успокоить: – Иллюзионист – это не стихийник. Пока работает амулет Чистого разума, он не опасен. Значит, шансы у нас есть. Хотя... кто мешает ему использовать против нас амулеты других школ?»

– Ну? – оказавшись рядом со мной, спрашивает Жаба. – Готов?

– Угу... Великая защита! На счет «три»... Раз... Два... Три!!! – командуя я, и еще два амулета рассыпаются в пыль.

Все, теперь мы почти неуязвимы. Целых восемь десятков ударов сердца. Почти – потому что активировавшееся плетение защитит нас от Огня, Льда и Разума. От всего того, что сеет смерть, используя силу. Но не от холодной стали. А потом на нашем пути встанет

³³ Спата – обоюдоострый меч длиной 60–80 см, предназначенный как для рубящих, так и для колющих ударов. В этом мире, как и в эпоху галлов, заканчивается острием.

³⁴ Синюю мантию носят иллюзионисты. Зеленую – маги Жизни.

Темный Жнец³⁵. С серпом, зажатым в правой руке. И потребует платы. То есть жизнью. Наших или вражеских. Ведь ему все едино...

– Ну же! – шипит Жаба. – Бежим! Время пошло!

А я стою на колене, прикрывшись щитом, и шарю руками по связке амулетов, пытаюсь найти шероховатый стержень печати Алого безумия: пусть печать, сплетенная сестричкой, мала и слаба, но все-таки немножечко ускорит мою реакцию. И даст лишний шанс добежать до опушки...

В глазах на мгновение темнеет.

«Не то! Это же печать Чужой крови!» – мысленно ору я. Потом нащупываю еще один стержень, крошу его пальцами и, наконец, срываюсь с места...

...Губы мечника, стоящего крайним справа в первой шеренге, кривятся в злой усмешке. Короткая команда – и строй воинов, оберегающих мага, начинает пятиться назад. Ха! Слишком медленно – под действием Алого безумия я не бегу, а лечу. И не просто лечу, а умудряюсь уворачиваться или принимать на щит выпущенные почти в упор стрелы.

Спата, зажата в кулаке, звенит от желания напиться крови – не знаю, кто как, а я ощущаю ее безумие и все ускоряю и ускоряю бег. И, выскивая взглядом слабые места строя, мысленно твержу:

«Сейчас, милая... Потерпи еще мгновение...»

А вот Жаба не успевает – его хриплое дыхание и гулкий топот сапог раздаются далеко за спиной. Все тише и тише...

«Плевать!» – мелькает в голове, и через мгновение я вдруг замираю в шаге от вражеского строя.

Четыре меча распарывают пустоту, потом начинают движение назад, и я, метнувшись вперед и упав на одно колено, вбиваю свой меч в ближайший ко мне сапог. Удар стальной стены из щитов снова приходится в пустоту. А потом в строю появляется первая третица: нож, брошенный мной во время прыжка назад, находит глазницу раненого и обрывает нить его жизни...

Сменить бойца в первой линии воины не успевают: слева от меня раздается смачное хекание, и секира Жабы врубается в шею мечника, пытавшегося занять место поверженного товарища.

...Удар меча, направленный ему под мышку, я отвожжу рубящим ударом по запястью. И тут же вбиваю свой щит в щит воина, еще не успевшего понять, что он только что потерял кисть.

Мечник, стоящий за ним, реагирует на потерю равновесия своим другом весьма своеобразно – выставив перед собой щит. И сдуру открывает мне бок. От бедра и до подмышки... Чем я, естественно, и пользуюсь...

...Жаба, выполняющий приказ Двурукого, смещается вслед за мной. И, прикрываясь щитом от атак разворачивающихся мечников, опускает секиру на голову безрукого. А потом почему-то теряет равновесие...

Увидев арбалетный болт, торчащий из его правого бока, я вспоминаю про стрелков и тут же срываюсь с места. И в бок моей последней жертвы тут же впивается предназначенный мне арбалетный болт...

...В два прыжка преодолев расстояние до вражеского мага, я вбиваю спату в его живот. И, на всякий случай, дождавшись, когда его вскинутые в защитном жесте руки начнут опускаться к ране, вонзаю клинок еще и в горло.

Все! Отводить взгляды теперь некому! Значит, бой будет честным. Сталь против стали. Мечи против мечей. И...

³⁵ Темный Жнец – это Смерть.

Додумать мысль до конца у меня не получается – уход за спину оседающего на землю мага получается просто идеально. А вот попытка прикрыться его телом от ударов мечников – нет. И мой правый бок обжигает острая боль...

...Удар щитом вправо-вбок. По предплечью мечника, не успевающего вытащить застрявший в ране клинок. Моя спата проскальзывает в щель между щитами, дотягивается до яремной вены противника и убивает...

«Он твой, Жнец!» – усмехаюсь я и... чувствую волну слабости, от которой начинают подгибаться ноги...

Смещаюсь назад, успеваю подцепить сапогом стопу еще одного воина. Подсекаю... Однако вбить меч в горло потерявшему равновесие воину у меня не получается – спата вдруг наталкивается на подставленный кем-то щит.

Вспышка боли в правой ноге... Тупой удар в плечо... Вспышка боли в левой стопе...

...Атака справа. Отшатываюсь от клинка, упираюсь спиной в дерево и рычу от бешенства: правая нога не выдерживает моего веса и начинает подгибаться...

Белый высверк меча... Я вскидываю щит и криво усмехаюсь – успел... А потом... слепну – по лицу начинает литься кровь из рассеченного лба...

...Удар в левую руку. Чуть выше локтя. Откуда-то сзади... Потом еще один – в бок... Мечник слева? Сдвигаю щит назад... и чувствую, как еще один удар застревает в кольчужной юбке. Больно! Бью наугад, в кроваво-красную тьму перед глазами, и тут же слышу скрежет разрываемых колец – кольчуга, подаренная отцом на совершеннолетие, не выдерживает удара в упор...

Бью наверху рукояти вправо... Слышу звон, приглушенный вскрик, а потом мне на голову обрушивается небо...

– Я... жив? – чувствуя, как лопаются губы, спрашиваю я.

– Да, ваша милость, – отвечает женщина. – Если это можно назвать жизнью...

Глава 8

Король Азам Истовый

Кое-как оклемавшись от очередного приступа слабости, король Азам собрался с силами и переполз на другую половину кровати – лежать на мокрых от пота простынях было холодно и противно. Дотянувшись до глиняного кубка с еще горячим отваром из листьев и плодов рябины, он взял его двумя руками, немного погрел об него ладони и, задумчиво уставившись на изрезанный рунами столбик балдахина, сделал пару больших глотков.

«Руны, печати, пентаграммы... – мрачно подумал монарх. – Не опочивальня, а алтарь... Зато я все еще жив... С ума сойти – тринадцать с половиной лет на грани ухода в Сияние! Тринадцать с половиной лет, украденных у Темного Жнеца! Неужели и Руиса ждет то же самое?»

– Ваше величество! – услышав голос дворецкого, король Азам заставил себя отвлечься от горьких мыслей и вопросительно посмотрел на замершего в поклоне слугу.

– Да?

– Эрр Урден только что проехал через Восточные ворота и двинулся по улице Медников, сир! Он едет во дворец...

– Отлично! – обрадовался его величество. И, поставив кубок на поднос, откинул в сторону одеяло. – Постельничего ко мне! Немедленно...

Эрр Урден выглядел неважно – увидев его измученное, покрытое дорожной пылью лицо и мантию, заляпанную грязью, король Азам вдруг почувствовал стыд. И, жестом отпустив слуг, перестилавших постель, хмуро поинтересовался:

– Что случилось с твоей каретой?

– Ничего, сир... – устало пробормотал маг. – Я оставил ее в Элинваре: из-за скотины Лоуда я потерял целые сутки. Боялся не успеть...

– То есть всю обратную дорогу ты провел в седле? – зачем-то уточнил монарх.

Щепка утвердительно кивнул. И, сообразив, что общается не с кем-нибудь, а со своим сюзереном, мгновенно исправился:

– Да, ваше величество...

– Спасибо, – благодарно улыбнулся король Азам и вздрогнул: по позвоночнику прокатилась волна ледящего холода. Значит, новый приступ не за горами...

– Что, начинается? – заметив, как изменился взгляд сюзерена, встревоженно поинтересовался маг.

– Еще минут десять. Наверное... – скрипнув зубами, отозвался король. – Пока еще терпимо...

Вглядевшись в глаза монарха, Щепка отрицательно помотал головой:

– Меньше... Восьмые сутки... Надо идти в лабораторию, сир! И чем быстрее – тем лучше...

– Как скажешь. – Король Азам обреченно пожал плечами и, сделав шаг к стене, прикоснулся к барельефу, изображающему псовую охоту.

Едва различимый шелест сдвигающейся в сторону каменной плиты почему-то вызвал у него неприятные ассоциации: с точно таким же звуком обычно поворачивалась и стена, ведущая в королевскую усыпальницу. В место, где его, Азама, уже давно ждал огромный резной саркофаг. И... скорое забвение...

– Разрешите, сир? – Заметив, что его величество замер перед потайным ходом, маг подхватил со стола подсвечник и, не дожидаясь ответа, первым шагнул в темноту.

...Иррациональный страх перед Темным Жнецом отступил только тогда, когда Азам Манорр оказался в лаборатории эрра Урдена: стоило увидеть стоящие в центре комнаты

алтари, четкие линии пентаграмм и испещренные рунами стены, как монарх вдруг совершенно четко понял, что в Сияние сегодня не уйдет.

Скинув с плеч мантию, он самостоятельно разделся и, ежась от пронизывающего до костей сквозняка, улегся на алтарь. И почти сразу ощутил холод в пальцах ног: приближающийся приступ уже начал вымораживать его тело.

Затравленно посмотрев на замершего перед открытым шкафом руного мага, король изо всех сил сжал кулаки и закрыл глаза. Решив, что ни за что не помешает эрру Урденоу готовиться к проведению ритуала. И постарался сконцентрироваться не на своих ощущениях, а на бормотании Щепки, копавшегося в каких-то свитках.

Абстрагироваться от своих ощущений удавалось сравнительно недолго: стоило волне холода добраться до живота, как боль, терзающая тело короля, стала совершенно непереносимой.

«Терпи! Еще немного... Ты сможешь...» – мысленно уговаривал себя король, истово моля Создателя, чтобы активация кольца на безымянном пальце руки принесла ему хоть чуточку отдохновения.

Увы, как обычно, Создателю было не до короля – дотянувшись до сердца, родовое Проклятие Манорров заставило Азама выгнуться дугой и захрипеть...

– Потерпите еще пару минут, сир!!! – донеслось до него через Вечность. А потом по руке монарха разлилось долгожданное тепло...

...Справиться с последствиями приступа на этот раз оказалось безумно тяжело – боль, терзающая сердце, словно насмехаясь над королем, упорно не желала утихать, а жуткая слабость мешала не только шевелиться, но и думать. Поэтому, ощутив прикосновение к своему лбу, Азам не сразу сообразил, что это ему не чудится.

– ...потом сотрем пот, нарисую руны Концентрации, Передачи жизни и Усвоения, закроем точку фокуса сил³⁶, добавим печать Великой жизни...

Бормотание эрра Урдена, понемногу заглушающее шум в ушах, показалось королю самой восхитительной мелодией, которую он когда-либо слышал. Однако насладиться звучанием хриплого голоса верховного мага Азаму не удалось – к моменту, когда Щепка принялся за правое запястье, слева от короля раздался еле слышный хрип. И монарх почувствовал, что краснеет от стыда.

С трудом заставив себя открыть глаза, король повернул голову и вздрогнул – на соседнем алтаре, раскинув руки и ноги, лежал тот, кто скоро поделится с ним жизненной силой. Разбойник, убийца, но... все-таки человек!

– Нашли кого жалеть, сир, – заметив выражение лица короля, мрачно хмыкнул Щепка. – Он заслужил такую смерть... И вообще, чем забивать голову всякой ерундой, лучше бы порадовались – жизни в нем предостаточно...

Вернув голову на место, Азам Манорр скосил взгляд на жертву и тяжело вздохнул: то, что мужчина был молод, силен и полон жизни, было видно и без подсказок верховного мага.

– Я надеюсь, что во время ритуала он будет спать? – вырвалось у монарха.

– Да, сир, – с легким раздражением ответил маг. – Я выполнил все ваши пожелания. Посмотрите на его лоб – вот амулеты Великого сна, Забвения и Бесчувствия. Он уйдет в Сияние, не ощутив ничего... И... заберет с собой часть нужной вам силы...

– Ничего... Я... – сообразив, что все его объяснения маг слышал уже не один десяток раз, Азам замолк на полуслове и сжал зубы.

Не дождавшись завершения монолога, эрр Урден грустно посмотрел на короля и тяжело вздохнул:

– Ваше великодушие не знает границ, сир... Я готов... Можно начинать...

³⁶ Точка фокуса сил – располагается на темени и соответствует точке VG 20, или Бай Хуэй.

...Увы, заставить себя не думать о судьбе убийцы Манорр не смог. И когда в его запястье начала вливаться тоненькая струйка тепла, король прикрыл глаза и еле слышно произнес:

– Король-упырь... Позорище...

– Да вы что, сир? – возмутился нависший над жертвой маг. – Это же нелюдь, ваше величество! За ним больше сорока доказанных убийств! Он приговорен к четвертованию. Смерть, которая ничего и никому не дает. А ритуал Передачи жизни дарит вам время. И счастье. Для вас, вашего сына и тысяч ваших подданных. Не травите себе душу, сир: не такая уж и большая цена за благоденствие целого королевства. Я бы на вашем месте думал о другом...

– И о чем же? – чувствуя, как холод Проклятия отступает перед неудержимой волной чужой жизненной силы, выдохнул Азам.

– О том, что вас любит народ, сир! О том, что люди, весьма далекие от политики, ценят все, что вы для них сделали. Это ли не признание? И вообще, вам не надоело рвать душу из-за жизни тех, кто ни во что не ставит ни вас, ни ваших подданных, сир?

«Я по-другому просто не умею...» – Слова, которые чуть было не сорвались с его губ, показались королю чересчур выпендренными. Однако другие в голову не шли.

– Еще пара минут – и все закончится...

«Еще пара минут – и я высушу очередную жертву... – мрачно подумал монарх. – Уже шестую! А сколько еще их будет?»

Первые минут сорок после завершения ритуала Азам ненавидел больше всего: тело, будто забывшее о невыносимой боли Проклятия, трепетало от избытка энергии; жар от только что усвоенной жизни согревал душу так, что хотелось смеяться, а сожаление о жизни вассала казалось мелким и недостойным монаршего внимания.

«Упырь! Самый настоящий упырь...» – раз за разом повторял монарх, глядя, как эрр Урден смывает руны со ссохшегося тела убийцы. И сжимал кулаки, стараясь удержать чувство ненависти к самому себе, испаряющееся, как снег на жарком весеннем солнце. Только вот удавалось это плохо – ощущение силы в руках, лежащих на подлокотниках кресла, было таким острым, что сводило с ума. А ни с чем не сравнимое счастье, переполняющее сердце, пьянило сильнее молодого вина...

– Может, вернемся в вашу опочивальню, сир? – с трудом разогнув спину, устало поинтересовался маг.

– Нет... – тут же отозвался король: уходить из комнаты, в которой лежало тело убийцы, вдруг показалось Азаму кощунственным. Ведь там, за пределами лаборатории, он никогда не вспоминал о тех, кто отдал свои жизни для того, чтобы он жил.

– Как скажете, ваше величество... – Маг пожал плечами и, с огромным трудом добравшись до своего кресла, опустился на сиденье.

– Хочу сохранить в памяти лицо человека, который спас мне жизнь, – признался монарх.

– Зря, сир, – криво усмехнулся маг. И мрачно посмотрел на свои трясущиеся пальцы. – Я бы на вашем месте подумал о живых...

– О чем это ты?

– Король Карос предложил мейну Лоуду перебраться в Вюртц...

– Не понял? – Король удивленно посмотрел на Щепку и свел брови у переносицы.

– Десять тысяч золотых в год. Тридцать процентов от налогов. Дворянские патенты для всех преподавателей Академии и замок Шетценов в придачу...

– Что ответил Молния? – скрипнув зубами, поинтересовался монарх.

– Каросу? Пока ничего, сир, – криво усмехнулся эрр Урден. – Однако для того, чтобы забрать у него нужных нам магов, мне пришлось выписать ему вексель на пять тысяч золотых!

– За будущий год?

– За этот...

– А что, ему опять не заплатили? – взбеленился король. – Олиона ко мне! Живо!!!
– Сюда, сир? – удивился маг.
– Н-нет... В кабинет! Немедленно!
– Может, вам стоит немного отдохнуть? – после небольшой паузы робко спросил Щепка.
– Отдыхать я буду потом! – рыкнул монарх, вскакивая с кресла. – Когда уйду в Сияние.
А пока я обязан заботиться о своих подданных!

– Дитер! Ты – идиот! – прошипел король, уставившись в глаза бледного от испуга казначея и с трудом сдерживая клокочущую в нем энергию. – Армия, Академия и орден Создателя – это три столпа, на которых стоит Семиречье! Не станет любого из них – не станет и королевства! О чем ты думал, когда задерживал выплаты, придурок?

– Простите, ваше величество! – залепетал граф Олиор. – Я подумал, что лучший способ вынудить мейна Лоуда и его вассалов все-таки принести вам оммаж³⁷ – это заставить почувствовать разницу между четкостью выплат вашим вассалам и тем, кто им пока не является! И потом... они совсем зажрались, сир! Пять тысяч золотых на какое-то там «развитие» – это чересчур! Академия и так получает огромный процент от налогов!

– Зажрались, говоришь? – Король Азам вцепился в подлокотники трона и, кое-как справившись с приступом бешенства, повернулся к капитану королевской стражи, подпирающему стену рядом с камином. – Граф Герн?

– Я, сир! – Капитан тут же сделал шаг вперед и вытянулся в струнку.

– Выделите пару толковых офицеров, способных проводить графа Олиора в Элинвар. Пешком. Я хочу, чтобы он извинился перед мейном Лоудом. Лично. А по возвращении графа из Академии устройте его в замок Потерянного времени³⁸. На три недели. Рацион – хлеб и вода. Вопросы?

– Будет сделано, ваше величество! – склонил голову капитан. – Разрешите исполнять?

– Чуть позже, Симон! – Король развернулся к опешившему от такого оскорбления царедворцу и холодно улыбнулся: – Вам, наверное, кажется, что я несправедлив?

– Именно так, ваше величество! – уставившись в глаза королю, отчеканил дворянин.

– Похвально. Мужества вам не занимать. Только вот для королевского казначея и члена Внутреннего круга мужество – качество вторичное. Вам гораздо важнее уметь думать! Если благодаря вашей некомпетентности мейн Лоуд примет предложение Кароса Зейна и переедет в Вюртц, то вы отправитесь под суд. По обвинению в предательстве...

Казначей сглотнул подкативший к горлу комок и нервно покрутил головой. Так, как будто ощутил своей шеей прикосновение топора королевского палача.

– Если мы лишимся стихийников и ритуалистов, которых готовят в Академии, то Семиречье падет максимум в течение года. – В наступившей тишине голос верховного мага прозвучал особенно громко. – Сколько бы жрецов и разумников ни выделил нам орден Создателя, максимум, что сможет армия, лишенная основной ударной силы, – это оборонять *уже закланные* стены крупных городов...

– Угу... – мрачно кивнул король. – Причем оборонять их она сможет тоже очень недолго: как только наши враги осадят десяток замков на периферии, их хозяева потребуют от меня исполнения моей части вассальной клятвы. А я НЕ СМОГУ этого сделать! И буду вынужден вернуть свое слово обратно... Дальше объяснять?

³⁷ Оммаж – вассальная клятва.

³⁸ Замок Потерянного времени – тюрьма для дворян.

– Нет, сир... – Видимо, представив себе такую перспективу, граф Олиор нервно вытер потеющие ладони о бархатные шоссы³⁹ и глухо пробормотал: – Чем я могу исправить свою ошибку, сир?

– Вы? Искренним извинением перед мейном Лоудом... Остальное я сделаю сам... Граф Герн?

– Я, ваше величество!

– Я хочу, чтобы вы рассчитали время моего выезда из Лайнты: я должен прибыть в Элинвар на следующее утро после графа Олиора...

³⁹ Шоссы – вид штанов в Средневековье.

Глава 9

Баронесса Меллина Орейн

Первое, что я сделала, открыв глаза, – это перешла на истинное зрение и добавила силы в печать Бесчувствия. Решив, что днем ощущение легкой боли мне уже не пригодится. Потом тщательно осмотрела лицо и грудь, убрала пару очагов воспаления, сплела еще одну печать Великого восстановления, подвесила ее на правую щеку, пострадавшую сильнее всего, и, убедившись, что кожа регенерирует достаточно быстро, попробовала встать.

Естественно, это мне не удалось, – для того, чтобы доползти до края кровати и свесить ноги, мне пришлось вытащить из-под простыни всю ту гору подушек, которую я туда напихала перед сном.

«Зато ночью не вертелась...» – подумала я, дотянувшись до серебряного кубка с водой, стоящего у изголовья. И, отпив пару глотков, встала и направилась к зеркалу. Решив полюбоваться на результат своего лечения.

...Выскользнув из моих рук, кубок отскочил от пола и, подпрыгивая, покатился под кровать. А я даже не дернулась, чтобы его подхватить. Ибо не могла оторвать взгляд от девушки, глядящей на меня из зеркала!

Белоснежное, никогда не видевшее солнца, лицо. Спокойный взгляд. Алые, как будто чем-то подкрашенные, губы. Четкие линии бровей. Аккуратная, локон к локону, прическа. Грудь без родинок, ожогов или шрамов. И тоненькая синяя сеточка кровеносных сосудов, просвечивающих сквозь тонкую кожу... Не я, а какая-то кукла! Хоть сейчас – да на королевский бал!

«С ума сойти! – мелькнуло в голове. – И это – я?»

– Ваша милость! Что случилось? – ворвавшись в комнату как маленький ураган, Ойра замерла в двух шагах от меня и... вытаращила глаза.

– Что, нравится? – стараясь не двигать губами, ехидно спросила я.

– Ага! Очень!! Даже лучше, чем было!!! – засияла девушка. А потом грозно свела брови у переносицы: – Та-а-ак... А кто вам делал прическу?

– Какая прическа, Ойра? – фыркнула я. – У меня сейчас та-а-акой высокий лоб... Да посмотри же! Это иллюзия! Эрр Маалус постарался...

– Да? А я думала, вы уже вылечились... – Моя наперсница тут же помрачнела и смешно выпятила нижнюю губу. А потом вздохнула, опустила взгляд... и умчалась из комнаты. Видимо, за тряпкой...

А я принялась оглядывать комнату, пытаюсь сообразить, куда эрр Маалус спрятал плетения иллюзий – если бы они были на мне, то во время осмотра своих печатей я бы их точно заметила.

Оказалось, что огромная серо-голубая конструкция, состоящая из жуткого количества рун, опутанных плотным комком силовых линий, пряталась прямо под моей кроватью. А тоненькая паутинка области фокусировки захватывала не только спальню, но и остальные покои. То есть при желании я могла мотаться по комнатам, не боясь испугать гостей видом своего обгоревшего лица.

Мысленно поблагодарив иллюзиониста за заботу, я дождалась, пока Ойра протрет пол, и занялась утренним туалетом.

...Минут через сорок, приведя себя в относительный порядок, я завалилась в постель и вдумчиво вгляделась в печать Иллюзии: копаться в новых плетениях всегда доставляло мне несказанное удовольствие.

Попытка разобраться в структуре печати самым простым способом – по взаимному расположению отдельных рун накрылась медным тазом: привычка маскировать плетения, хоть как-то связанные со мной, заставила эрра Маалуса превратить печать Иллюзии во что-то невообразимое.

Попытка найти управляющие руны через нити подпитки тоже ни к чему не привела: от линии силы, проходящей между стеной донжона и моей кроватью, подпитывалась чуть ли не каждая отдельная руна! Сообразив, что в этот раз эрр Маалус постарался на славу, я мысленно усмехнулась:

«Мог и не напрягаться... Крыса ушел в Сияние. Значит, отец ничего не узнает...»

Да... Создавая эту печать, иллюзионист превзошел самого себя. Во-первых, две трети использованных в плетении рун работали впустую. Просто перекачивая энергию из силовой линии в руно-антагониста. И гасили противоположные эффекты! Во-вторых, нити, соединяющие руны в одно целое, постоянно двоились, троились и четверились. И при этом создавали образы неиспользуемых в плетении печатей. В-третьих, в плетении присутствовали блоки, рассеивающие мое внимание, – амулеты Потерянного взгляда и Спутанных мыслей. Что здорово усложняло анализ. В-четвертых, печать Иллюзии оказалась скручена в жгут. И для полного счастья повернута «лицевой» частью к полу. А ведь еще было в-пятых, в-шестых и в-седьмых! В общем, для того чтобы понять, как эрр Маалус заставил меня видеть свое лицо здоровым, мне потребовалось все мое упрямство. И привычка работать с плетениями, ориентированными не канонически, а как попало. То есть то, чем я занималась с детства...

...Да, проблем с упрямством и умением чувствовать руны в любом положении у меня не было никогда. Как говорил отец, моему упрямству могло позавидовать довольно крупное стадо ослов, а о том, что плетения рекомендуется запоминать и создавать в строго определенных ракурсах, я в первый раз прочитала только лет через пять после того, как начала магичить. И очень этому удивилась, так как ни разу не видела плетений в каноническом ракурсе.

Ничего странного в этом не было – свой первый шаг в постижении Высокого искусства я сделала еще в глубоком детстве, изучая уже готовые плетения, во множестве разбросанные по стенам замка, по донжону и вспомогательным постройкам. Естественно, смотреть на них приходилось в основном снизу вверх, ибо располагались они, как правило, на уровне лица взрослого мужчины. Поэтому и копировала свои первые плетения я тоже «неправильно».

Кстати, первое время я пыталась повторить всякие там печати в основном из вредности. Так как уже после первых экспериментов с привлекающими взгляд красными⁴⁰ и зелеными⁴¹ нитями поняла, что даже самые точные мои копии получаются бесцветными. Вернее, только белыми. А еще они никак не взаимодействовали с окружающим миром и очень быстро расплзались. Зато первая же попытка повторить «рисунок» из белых нитей заставила меня прыгать от радости: плетение работало! И еще как: кусочек сторожевой печати, «повешенный» на грудь четырехмесячного щенка по кличке Заморыш, вдруг превратил его в неутомимого охотника: за световой день псенок задушил и притащил к своему лежбищу у поленницы целых восемь полевок. Следующим утром тушек оказалось уже четырнадцать. А во время моей отлучки на завтрак Заморыш почему-то околел. Услышавший мои рыдания эрр Валин брезгливо осмотрел бездыханное тельце щенка, грязно выругался и отвел меня к отцу.

В этот день я узнала, что мне строго-настрого запрещено смотреть на любые рисунки. Будь они красными, зелеными или белыми. Запрещено плести их самостоятельно. И трогать нити, которыми опутаны люди, животные и птицы. В тот же день я узнала, что такое розги.

⁴⁰ Красные нити – плетения школ Огня и Льда.

⁴¹ Серо-зеленые и зеленые – плетения школы Разума.

Ха! Не на ту нарвались – тем же вечером я пробралась в конюшню и украсила коня Крысы таким же плетением, как и то, которое, по его мнению, убило Заморыша. Увы, размеров и наполнения моего «рисунка» оказалось недостаточно: конь спокойно всхрапнул, помотал головой и продолжил уминать овес! Прождав до полуночи, я обиделась на коня, эрра Валина и весь свет и, морщась от боли в иссеченной розгами спине, отправилась в свои покои.

Несмотря на поздний час, добраться до своей комнаты незамеченной мне не удалось – когда я поравнялась с дверью, ведущей на третий этаж, она скрипнула, и передо мной возник эрр Маалус.

Я растеряннo замерла на месте, а маг вдруг поклонился, шагнул ко мне... и достал из кармана огромный желтый леденец.

Удержаться от соблазна принять такой подарок я не смогла. И, изо всех сил вцепившись в леденец, зашипела от боли в спине. А мгновенно помрачневший маг присел на корточки и нарисовал передо мной красивую алую сеточку.

– Попробуйте скопировать, ваша милость... – негромко пробормотал он. И, дождавшись, пока я доплету свою первую печать – печать Бесчувствия, – показал, как соединять торчащие из «рисунка» нити с нитями моего тела.

Боль в спине прошла мгновенно. И я, сообразив, что маги бывают разные, нахмурила брови. Потом посмотрела влево, в сторону покоев Крысы Валина, и прошипела:

– Ненавижу!

...Следующую печать – Малого исцеления – я научилась плести месяцев через пять-шесть. После того как увидела, на что способна белая искрящаяся сеть, сплетенная невесть откуда взявшимся в замке жрецом прямо в рваной ране одного из наших солдат.

Сначала прекратилось кровотечение. Потом отливающие чернью края разорванных кровеносных сосудов порозовели, а сведенные рукой мага Жизни мышечные волокна вдруг начали прорастать друг в друга! Я была потрясена до глубины души и не отходила от жреца до позднего вечера.

Все лето я носилась по замку в поисках тех, у кого есть хоть какие-то царапины. Воины, слуги, животные – мне было все равно. Лишь бы поймать, остановить, заставить сесть или лечь и сплести в «ране» печать Малого исцеления. Естественно, без Крысы не обходилось и тут: узнав о том, что я кого-то «исцелила», эрр Валин тут же неся докладывать отцу. И, получив приказ найти и доставить меня в свои покои, с радостью отправлялся на поиски. Правда, особого толку в процессе своего воспитания я не видела: заходить в мои покои во время наказания запрещалось всем без исключения, поэтому печать Бесчувствия я сплетала еще до того, как укладывалась на кровать. Ну, а возможность лишний раз создать печать Малого исцеления радовала сама по себе.

Плела я их, конечно же, как попало. Не в «правильной» последовательности, некогда придуманной великими теоретиками, а так, как в этот момент желала моя правая (или левая) нога. По большому счету, ничего страшного в этом не было – большинство печатей, рассмотренных у периодически появлявшихся в замке жрецов, начинали действовать далеко не сразу. И у меня всегда хватало времени на исправление промежуточных ошибок. Конечно же, будь я стихийником или разумником, ничем хорошим это бы не закончилось – страшные истории о том, как особо тупые студенты Академии умудряются погибать от своих собственных заклинаний, я слышала чуть ли не каждый день. Однако другого варианта у меня не было – делать из меня мага Жизни никто не собирался. А любая попытка высказать такое пожелание обязательно заканчивалась поркой...

...Годам к девяти я попыталась раз и навсегда разобраться с красными и зелеными печатями... и пришла к выводу, что ущербна: заставить работать любые плетения школы Разума, Огня или Льда, созданные из нитей жизни, оказалось невозможно! Что я только не копировала – сторожевые печати, базовые руны, рассмотренные на заднем дворе у трениру-

ющих солдат стихийников, плетения, создаваемые эрром Маалусом и эрром Гвиллом. Увы, ничем не отличающиеся от оригинала копии Огненных плетей, Солнечных брызг или Облаков льда напрочь отказывались работать! Я ничем не рисковала, даже создавая и боевые заклинания, и точки их фокуса прямо в своем теле. Ибо вне зависимости от количества силы, вливаемой в них в процессе создания, плетения так и оставались просто красивыми картинками. Осознавать этот факт было жутко обидно. И я несколько месяцев искренне ненавидела всех наших стихийников, с легкостью отправляющих в мишени настоящие боевые печати.

А еще меня здорово расстраивало то, что плетения школы Жизни, созданные мною, всегда работали намного слабее, чем у любого из периодически появлявшихся в замке жрецов. Поэтому, дождавшись появления в замке очередного мага Жизни, я попыталась задать ему интересные меня вопросы.

Дождаться ответа от серого и какого-то безликого мужчины, от которого ни на шаг не отходили два воина и еще какой-то стихийник, мне не удалось: жрец словно не слышал того, что я говорю. Хотя состояние каналов жизни, отвечающих за слух, у него было просто идеальным. Однако ответ я все-таки получила. В тот же день. Но не от жреца, а от Крысы, спустившегося в кордегардию, чтобы узнать о состоянии раненых. Услышав мой десятый или двенадцатый вопрос, обращенный к игнорирующему меня магу, эрр Валин довольно ухмыльнулся и предложил мне свою «помощь». Мои нахмуренные брови и громкое «не надо» его не остановили. Прислонившись к двери и закрыв единственный выход, он долго и со вкусом рассказывал о том, что такое магия.

Нет, маг не лгал – стихийник, охраняющий молчаливого жреца, согласно кивал чуть ли не после каждого предложения. Только вот особой радости от этой «правды» я так и не испытала: кому понравится узнать, что поменять тип специализации невозможно? Что ранг и будущее мага зависит не столько от умения работать с плетениями, сколько от скорости восполнения? Что у меня эта самая скорость восполнения мало чем отличается от нуля? Что стать магом я не смогу, даже если научусь читать, писать, плести все известные и неизвестные печати и проштудирую все когда-либо написанные книги по магии? И что маг Жизни – это не маг, а нечто среднее между человеком и животным?

Устраивать истерику я не стала. Вместо этого я потянулась к одному из каналов жизни на лице эрра Валина и остановила течение энергии. Дикая вопль внезапно ослепшего мага услышали, наверное, даже в Лайнте.

А на следующее утро я пробралась в отцовскую библиотеку, развернула первый попавшийся под руку свиток, пробежала глазами ровные ряды непонятных закорючек... и отправилась в кабинет. Требовать, чтобы меня научили читать...

...Месяца через четыре после начала занятий из комнат наших магов вдруг начали падать свитки. Вор – то есть я – оказался не так удачлив, как хотелось бы: я прекрасно видела сторожевые печати, ауры прячущихся в комнатах солдат... а попала на суицидальной ерунде. На угольной пыли, насыпанной в один из свитков.

Несмотря на вовремя сплетенную печать Малого исцеления, нормально ходить я смогла только через неделю – отец, взбешенный отношением к запрету заниматься магией, напрочь забыл о жалости. Впрочем, для того, чтобы меня переупрямить, этого оказалось недостаточно – выбравшись из своих покоев, я сразу же отправилась к эрру Маалусу. И, нагло оставившись перед чем-то занятым магом, вцепилась в лежащий перед ним свиток.

Как ни странно, возмущаться он не стал: с интересом посмотрев на меня, ехидно усмехнулся и, мотнув головой в сторону пузатого резного шкафа, негромко пробормотал:

– Первая полка сверху, четвертый свиток справа... Толку будет гораздо больше...

...Первую часть древнего фундаментального трактата Гериельта Мудрого «О двенадцати основных и восьми второстепенных каналах жизни, о болезнях жара и холода, органов чувств, внутренних органов, а также о лечении отравлений, ранений и о методах продления

жизни» я читала почти месяц. И, не успев закончить, вернулась к первой главе. Решив, что просто обязана освоить на практике все то, что описывает автор.

С середины осени и до конца зимы я практически не выходила из своих покоев – с утра до поздней ночи изучала базовые руны гармонизации для двенадцати основных и восьми вспомогательных каналов жизни, точки воздействия на сами каналы, симптомы заболеваний и отравлений и много чего еще. А как только на заднем дворе стаял снег, стащила в оружейной комнате самую легкую ржавую железяку, самую короткую кольчугу, вместо поддоспешника надела старое платье и, решив, что выгляжу как подобает воину, приперлась к старому Наишу. Учиться махать мечом: в трактате Гериельта Мудрого утверждалось, что скорость восполнения и траты запаса силы **МОЖНО УВЕЛИЧИТЬ**. Если достичь гармонии тела и духа...

Кстати, вникать в то, что написал известнейший теоретик магии Жизни, было на удивление легко – Гериельт Мудрый излагал свои мысли очень образно, доступно и с юмором. Даже тезис «не навреди», здорово ограничивший меня в экспериментах, он умудрился подать так, что мне не захотелось идти ему наперекор. В итоге я смирилась с тем, что человеческое тело – это не только красивая картинка, которую я могу видеть истинным взором, но и сложнейший инструмент, любое вмешательство в который должно быть чем-то оправдано. В общем, я начала ставить опыты на животных...

Все то, что описывалось в трех первых частях, я освоила года за два. А вот четвертой части, той, в которой должны были описываться печати, придуманные самим Гериельтом, в библиотеке эрра Маалуса не оказалось!

Перекопав все полки и не обнаружив искомого, я бросилась на поиски эрра Маалуса. И отловив его у кузницы, с ходу поинтересовалась:

– Куда вы спрятали четвертую часть трактата?

Ответ иллюзиониста меня просто убил:

– Никуда. Ее не существует. Говорят, что ее уничтожил сам Гериельт. Почему – никто не знает. Кстати, ни в ордене Создателя, ни в Академии, ни в библиотеке его величества ее тоже нет...

– А что мне теперь делать? – растерянно спросила я.

– Напиши ее сама, – пошутил маг. И развел руками...

...Весь следующий год я не вылезала с Колокольной башни. Экспериментировала. Здесь, вдалеке от недремлющего ока ненавистного эрра Валина, я могла творить все, что угодно. Соединять базовые руны в любом удобном мне порядке. Добиваться их обращения. Ускорять и замедлять течение энергии в каналах жизни, любые процессы, происходящие в организме, и анализировать результаты своего вмешательства.

Да, от принципа «не навреди» я старалась не отходить. И, как правило, эксперименты с новыми плетениями сначала проводила на щенках, гусях и поросятах – благо последних в свинарнике всегда было в избытке. Однако, несмотря на такой гуманный подход, за каких-то пару месяцев в среде наших солдат дежурство в Колокольной башне стало считаться наказанием. Соответственно, жертвы внезапных сердцебиений, потливости, приступов слепоты или вспышек зубной боли начали жаловаться на мои «шуточки» своим десятникам. А отдельные смельчаки – старому Наишу. Пришлось принимать меры – личности, виновные в очередном наказании, переставали видеть, слышать, осязать, а отсутствие в замке своего жреца рано или поздно вынуждало их идти ко мне на поклон. В общем, в конце концов, большинство доблестных вассалов моего отца смирились с тем, что в Колокольной башне их ждут я. И какая-нибудь очередная гадость...

Единственным человеком, стоически выносившим все, что приходило мне в голову, был мой сводный брат Крегг. Бастард, получивший право носить перечеркнутый герб⁴² Орейнов еще в четырнадцать лет. Такой же упрямец, как и я. Парень, к двадцати годам ставший вторым мечом баронства, как никто другой ценил людей, способных не останавливаться на пути к поставленной перед собой цели.

Да, словоохотливостью он не отличался – иногда с обеда и до позднего вечера Молчун не произносил ни одного слова. Зато слушал мои рассказы очень внимательно и с явным удовольствием. Как ни странно, именно в процессе такого вот странного общения у меня частенько рождались самые интересные идеи. Скажем, первую самостоятельно придуманную печать я создала для того, чтобы организм моего ненормального брата, не желающего нормально отлеживаться после ранений, мог использовать для своего лечения чужую жизненную силу. Кстати, название для печати придумал Крегг: внимательно выслушав описание принципа работы получившегося плетения, он ласково потрепал меня по волосам и сказал целых шесть слов:

– Печать Чужой крови... Крыса опять разозлится...

Я довольно ослабилась. И... занялась рунной магией.

Как создавать свернутое плетение в деревянной основе, я знала. В общих чертах: в самом конце третьего тома своего трактата Гериельт Мудрый посвятил этому целых четыре главы. Однако на создание рабочего амулета у меня ушло недели полторы. Причем основную часть этого времени я провозилась с основой: какой бы формы я ни выбирала заготовку, она упорно отказывалась ломаться в нужном месте. Так, чтобы не разрывать нужных плетений, а заставлять срабатывать активатор. В итоге оказалось, что выход лежал на поверхности – достаточно было прорезать в деревяшке достаточно глубокую поперечную канавку, развести печать и ее активатор в противоположные части основы, как амулет стал рассыпаться так, как было необходимо.

Маскировать свое изделие я решила под стандартный амулет Алого безумия стоимостью аж десять золотых монет. Но для того, чтобы Крегг не ошибся при выборе, мне пришлось вырезать на ребре основы несколько маленьких канавок.

Кстати, в процессе создания этого амулета мне пришлось научиться элементам боевой трансформации. Ибо демонстрировать всем встречным и поперечным никому не известное плетение мне почему-то не хотелось. В результате долгих раздумий я пришла к идеальному, на мой взгляд, варианту: сразу же после активации плетение делилось на две части. Которые сдвигались так, чтобы со стороны напоминать печати Среднего исцеления и Великого восстановления, вдавленные одна в другую. Увы, нити подпитки, разбрасываемые печатью во все стороны, мне спрятать так и не удалось. Но я успокоила себя тем, что чрезвычайно малая толщина и грязно-серый цвет рисунка могут броситься в глаза только ночью.

Работал амулет бесподобно. Но очень уж медленно – мой куцый дар не позволял написать плетение достаточно большим количеством силы, и раны, периодически получаемые Креггом, затягивались не особенно быстро. Зато для этого ему не требовались никакие жрецы – печать тянула жизнь из его друзей, врагов, лошадей и, кажется, даже из деревьев...

...Закончив создание амулета, я почувствовала себя вторым Гериельтом Мудрым. И чувствовала себя им приблизительно часа два. До того самого момента, когда продемонстрировала его эрру Маалузу.

Вглядевшись в структуру заклинания и не дослушав рассказ о принципах его работы, маг вскочил с кресла, закрыл мне рот ладонью и, склонившись к моему уху, еле слышно прошептал:

⁴² Перечеркнутый отцовский герб носили внебрачные дети дворян. В этом мире такое право надо заслужить.

– *Никогда не создавайте новых плетений, ваша милость! Никогда не рассказывайте о том, что у вас получилось! Даже мне! И... постарайтесь забыть эту печать как можно быстрее! Поверьте, я хочу вам добра, ваша милость... Пожалуйста, поверьте мне на слово!*

Перепуганная не столько словами, сколько мертвенной бледностью, разлившейся по лицу выпрямившегося мага, я мгновенно расплела еле видимую в свете свечи печать и тут же унеслась в свою спальню...

Нет, экспериментировать я, конечно же, не прекратила – идеи, то и дело рождавшиеся в моей голове, требовали проверки на практике, – но демонстрировать свои достижения кому-то, кроме Крегга, перестала...

Увидев, что я разглядываю упрощенную копию его печати Иллюзии, избавленную от всего лишнего, эрр Маалус уважительно посмотрел на меня и приложил правый кулак к сердцу:

– Не думал, что вы на это способны, ваша милость...

Проследив за его рукой, я наткнулась взглядом на амулет Великой защиты, висевший на его груди, и застыла: среди тридцати двух свернутых печатей школ Огня, Льда и Разума глаз мгновенно выхватил контур недостроенной точки фокуса Огненного шторма. Той самой, которой я так удачно замкнула позавчера. Перед внутренним взором мгновенно возникла картина заживо сгорающего Крысы, а по спине потекла струйка холодного пота.

Заметив, как изменился мой взгляд, маг тут же помычал:

– Вас так обидело мое замечание? Почему, ваша милость?

– Попыталась улыбнуться... – солгала я. – А в печати Бесчувствия недостаток силы...

– А почему вы ее не наполните? – удивленно поинтересовался он. – Ведь печать-то как раз под вашу скорость восполнения...

– Если я не чувствую боли, то забываюсь и начинаю улыбаться. Кожа рвется, и...

– Все правильно... – вздохнул эрр Маалус. – Кстати, за эти двое суток ваше лицо начало зажи...

– Я знаю, эрр Маалус! – стараюсь не шевелить губами, фыркнула я. И, посмотрев на расстроенное лицо мага, с трудом удержалась от улыбки. – Дней десять – двенадцать, и от ожогов ничего не останется. Да, скорость восполнения печатей у меня никуда не годится, но даже с такой, какая есть, регенерацию получилось разогнать почти до предела...

Иллюзионист недоверчиво посмотрел на меня и подергал себя за бороду:

– Даже так? И как вам это удалось?

– Долго объяснять... – буркнула я. – А говорить, не шевеля губами, не очень приятно...

– Вам надо расслабиться, больше спать...

– ...и больше есть... – в унисон ему ответила я. – Так, чтобы к приезду отца я успела превратиться в нечто похожее на хорошо откормленную свинью...

– Фу, ваша милость! Как можно такое говорить-то? – всплеснул руками иллюзионист. И укоризненно посмотрел на меня. – Вы – девушка потрясающей красоты...

– Ага! – криво ухмыльнулась я... и похолодела: на моем лице «потрясающей красоты» лопнула тоненькая пленочка новой кожи!

Следующие несколько минут я судорожно пыталась убрать последствия своей улыбки – останавливала кровь, сращивала капилляры и мелкие сосуды, подстегивала течение энергии в каналах жизни. Получалось так себе – нити силы, подпитывающие непрерывно работающие плетения, напрочь отказывались тянуть из резерва хоть немного больше. В итоге поняв, что выше головы не прыгнешь, я ограничилась тем, что сдвинула печать Великой регенерации чуть ближе к правой скуле. А потом, мысленно обозвав себя дурой, открыла глаза и взглянула на мрачного, как грозовая туча, мага.

Заметив, что я перестала магичить, эрр Урден уставился в пол и тяжело вздохнул:

– Простите, ваша милость! Это из-за меня! Надо было думать, прежде чем говорить... Вам необходим покой, а тут я со своими вопросами... Разрешите откланяться?

– Не разрешаю... – буркнула я. – Лежать и смотреть в потолок я уже до смерти устала. Поэтому вам придется меня поразвлечь...

– Чем, ваша милость? – обреченно посмотрев на меня, спросил маг.

– Конечно же, своими иллюзиями...

...Смотреть, как плетения эрра Маалуса воздействуют на мое сознание, было безумно интересно: сначала над моей кроватью вместо розового балдахина возникло голубое небо. Потом в нем появился клин белых журавлей, летящих на закат. Чуть позже пропала стена с гобеленом, а на ее месте возникло бескрайнее поле с небольшой рощицей. С ума сойти – я совершенно четко видела, как колыхалась трава, как рядом с грязно-серым камнем, валяющимся шагах в пяти от моей кровати, струилось чешуйчатое тело гадюки, как трепетали крылышки у пролетевшей над самой землей пичужки.

Как обычно, стоило представить себя там, в созданном для меня мире, как настроение начало стремительно улучшаться. И уже через пару минут я, слегка покраснев, негромко попросила:

– А... можно показать... ну-у-у... что-нибудь еще?

– Да, ваша милость... – отозвалась пустота на месте, где еще недавно стояло кресло эрра Маалуса. А потом оттуда же раздался негромкий смешок.

Обижаться на мага я не стала – человек, сделавший для меня ничуть не меньше, чем родной отец, имел полное право улыбаться. Особенно создавая детскую мечту для совершенной девушки, уже представленной королю.

...Вглядевшись в силуэт всадника, показавшийся из-за рощи, я не удержалась от вздоха: мне ужасно захотелось, чтобы, вместо того чтобы придумывать образ воина, исходя из своих представлений о мужской красоте, Маалус догадался наложить на мое сознание печать Мечты.

Через минуту, когда воин подъехал ближе, я почувствовала, как заколотилось мое сердце: молодой широкоплечий парень с короткими рыжими волосами оказался точной копией виконта Алагзара, с которым мне удалось потанцевать на королевском балу в Лайнте! Однако полюбоваться статью мужчины моей мечты мне не удалось – не успел воин остановить коня и спешиться, как из-за рощи донесся вопль моей наперсницы:

– Госпожа! К вам его милость барон Лагар!

Я тут же расстроено прикрыла глаза: видеть, как исчезает иллюзия, было невыносимо больно. Однако пострадать по этому поводу мне тоже не удалось – за дверями спальни раздался звук разбитого стекла, вскрик, а потом – полупридушенный вопль моей наперсницы:

– Куда вы, ваша милость? Госпожа Меллина не отвечает, значит, к ней нельзя!

– Отойди в сторону, дура!

– Ваша милость!!!

Услышав нотки отчаяния в голосе брата, а потом – шелест покидающего ножны меча, я забыла о своих ожогах, коже, которая обязательно лопнет, необходимости не шевелиться и заорала на весь донжон:

– Ойра! Пропусти Лагара! Немедленно!

А через долю секунды чуть не оглохла от грохота двери, со всего размаху ударившейся о стену.

– Мел! Отец...

– Что «отец»? – уставившись на бледное лицо брата, перепуганно спросила я.

– Отец... погиб...

– Как погиб?

– Разбойники... На Полуночном тракте... – выдохнул Лагар, и, недоуменно уставившись на меч в своей руке, вдруг вскинул его над головой и одним ударом перерубил пополам столик с притираниями...

– Да, но... с ним же было два десятка солдат, маги и боевая четверка его величества! – растерянно пробормотала я.

– Толку от них, Мел... – процедил брат. И, повертев меч в руке, забросил его в ножны. – Щетина сказал, что эрр Диир погиб первым. И ни разу не ударил! Ни разу, понимаешь?

– А жрец? Он же должен был лечить! – негромко спросил эрр Маалус.

Лагар заскрипел зубами:

– Лечил... Пока был жив... Но недолго... Щетина говорит, что разбойников было слишком много...

– Не верю, – отрицательно покачал головой эрр Маалус. – Маги из боевой четверки не могли не заметить засаду!

– У разбойников был иллюзионист...

– Тогда понятно... – пробормотал маг и, сгорбившись, уставился в пол. Заплакать у меня не получилось. Так же как и прикрыть веки – я, не отрываясь, смотрела на брата и ждала продолжения рассказа. А он почему-то молчал. Поэтому заговорила я:

– Ну, и что собираешься делать, Лагар?

– С утра возьму три десятка воинов, эрра Стрега и эрра Гвилла, и уеду в Наргин... – не глядя на меня, ответил брат. – Тело отца уже там. Распоряжусь, чтобы его перевезли сюда, а потом найду этих тварей и... отправлю их к Темному Жнецу...

– Простите, что вмешиваюсь, ваша милость, но воинов желательно брать побольше: говорят, что разбойники из предгорий Ледяного хребта не боятся ни короля, ни Создателя, ни Темного Жнеца⁴³. А еще берегитесь иллюзиониста – если его уровень выше второй категории, то он... Хотя против Огнива и Умника...

– Иллюза уже нет... – скривился Лагар. – Его зарубил Молчун. Так что там – одна пехота...

– А... сам Крегг? – спросила я.

– Выжил только Щетина... – вздохнул брат. – И тот непонятно как... Ладно, Мел, я пошел собираться. Когда вернусь – не знаю. Присмотри за замком, ладно? И... выздоравливай...

– Присмотрю... – пообещала я. А потом, сжав кулаки, добавила: – А ты найди их... И убей... Как можно медленнее...

⁴³ Ни Создателя, ни Темного Жнеца – соответствует нашему «ни Бога, ни черта».

Глава 10

Крегг Молчун

Холодный порыв ветра, ворвавшийся в открытую настежь дверь, пах мокрой овечьей шерстью и навозом. А еще свежескошенной травой и почему-то земляникой. Я открыл глаза, прислушался к звукам, доносящимся до меня снаружи, и вздохнул – там, за стенами кошары, шел дождь. А значит, появления проклятой Темным Жнецом знахарки надо было ждать еще как минимум сутки.

Мрачно покосившись на свою изуродованную левую руку, я скрипнул зубами и еле удержался от стога – заныли обломки сломанных зубов, рассеченная прикосновением чьего-то клинка щека и обрубок уха.

«Живой труп...» – мрачно подумал я. И замер – сквозь блеяние овец до меня донесся донельзя раздраженный *незнакомый* женский голос:

– ...сначала загони овец!

– Мрак! Ну, и что же ты стоишь? – тут же заорала Марыська и шелкнула бичом.

«Добралась?» – подумал я и с надеждой уставился в серую пелену дождевых струй в дверном проеме.

Ждать пришлось не особенно долго – буквально через минуту из сплошной стены воды появилась овечья морда, а затем в кошару хлынула загоняемая здоровенным магарцем⁴⁴ отара.

Увидев своих товарок, все пять привязанных к моему ложу овец жалобно заблеяли и попытались оборвать удерживающие их на месте веревки.

Я криво усмехнулся: животные явно чувствовали, как моя печать Чужой крови тянет из них жизнь.

– Вон еще две! Да куда же ты понесся, Мрак?! – Судя по громкости голоса, Марыська подошла к самой кошаре и теперь следила, чтобы ни одна из вверенных ей овец не осталась снаружи.

Минута ожидания, и я услышал еще одну ее фразу. Почему-то произнесенную просительным тоном:

– Заходи, Ярена!

Однако вместо ожидаемой знахарки в дверном проеме появился силуэт закутанного в плащ ребенка. Решив, что Ярена пришла в Седое урочище не одна, я перевел взгляд на следующий силуэт. И не сразу сообразил, почему Марыська закрывает за собой дверь.

– Зажги лучину! – прокрипел «ребенок», и я удивленно вытаращил глаза: судя по тембру голоса, ему было как минимум лет пятьдесят!

Марыська с трудом подтащила тяжеленную створку к косяку, кое-как задвинула засов и, сняв с себя мокрый плащ, двинулась к оконцу, затянутому бычьим пузырем.

– Шевелись, девка! – подала голос знахарка, стараясь, чтобы ее рычание звучало потише.

– Сейчас... Кресало найду...

...В свете лучины Ярена показалась мне ожившим воплощением Темного Жнеца: седые спутанные волосы, темное, почти черное лицо, кривящиеся в очень неприятной гримасе губы, крючковатый нос, пара здоровенных родинок на раздвоенном подбородке. И тяжелый взгляд исподлобья. Впрочем, стоило мне пошевелиться, как на ее лице мгновенно расцвела улыбка, а в глазах мелькнул самый настоящий страх:

– Добрый вечер, ваша милость! Вы хотели меня видеть?

Я утвердительно кивнул.

⁴⁴ Магарец – порода пастушьих собак.

– Я к вашим услугам...

– Рука... Ключица... Ребра... – выдохнул я. – Нога...

Знахарка свела брови у переносицы, немного подумала и растерянно захлопала ресницами:

– Что, кости срастаются не так?

Я снова кивнул.

– Так я же не жрец, ваша милость! – сообразив, что от нее требуется, затараторила старуха. – Силы у меня почти что и нету! Я это... боль снять могу... несильную... Кровь заговорить, если рана махонькая... Роды ускорить... Бельмо свести... Бородавки... А тут вона сколько чего надо!

– Сломать и свести вместе... Правильно... Сможешь? – дослушав ее до конца, спросил я.

– Старая я, ваша милость! – перепуганно отшатнулась знахарка. – Где у меня столько здоровья-то? Да и боль будет ужасная!

Я потянулся к шее, выпростал из-под обрывков кольчуги связку амулетов и, нащупав нужные, по очереди показал старухе.

– Печать Бесчувствия? Печать Великой жизни? Печать Великого восстановления?

– Ну да... Может и получится... Только боязно мне как-то, ваша милость! Да и чем ломать-то?

Я ткнул пальцем в невысокий каменный «стол», на котором Марыська разложила все найденные в кошаре «инструменты».

– Меч? Молоток? Долото? Камень? Да вы что, ваша милость! Для этого я уже слишком стара... – Сделав еще один шаг назад и упершись спиной в стену кошары, Ярена выставила перед собой ладони. И продемонстрировала трясущиеся пальцы.

Я хмуро посмотрел на Марыську.

– Золотой, если сделаешь все правильно... – пробормотала она. И вытащила из кармана вырезанную из моего пояса монету.

Мда. Девушка оказалась права – стоило старухе увидеть деньги, как ее пальцы перестали трястись, а в глазах появилась алчность.

– Как скажете, ваша милость! Мне нужна горячая вода... лубки... и помощь...

Я показал взглядом на пастушку и прикрыл глаза...

...Без плаща знахарка смотрелась еще тщедушнее – тонюсенькие запястья, сухие, морщинистые кисти, узкие плечи и таз. Да, ощущения болезненности в ней не было и быть не могло, но, по моим впечатлениям, Темный Жнец уже следовал за ней по пятам.

Забавно – несмотря на то, что старуха жутко боялась меня и печати Чужой крови, она металась по кошаре вслед за Марыской и, нервно кусая нижнюю губу, пожирала глазами тот самый карман, в который девушка убрала мои деньги.

Впрочем, стоило ей услышать бульканье закипевшей воды, как она мгновенно забыла про вознаграждение и задумчиво уставилась на меня:

– Ваша милость! А кольчугу-то придется снимать...

Я коротко кивнул.

– Больно будет...

Я мысленно усмехнулся.

– Ну... тогда ломайте амулет Бесчувствия. И два других – тоже: я готова... – буркнула она и, увидев, как в моих пальцах рассыпалась первая *основа*, рыкнула на Марыську: – Ну, и чего стоишь? Поднимай его милость! Да поаккуратнее, овца!

...Боли я не чувствовал. Совсем. Зато слабость, накатившая на меня во время раздевания, оказалась такой, что я чуть не потерял сознание. Увы, заработавшие печати Великой жизни и Великого восстановления лишили меня последнего шанса на забытие – к тому моменту, как Ярена взялась за молоток и долото, я чувствовал себя бодрым и полным сил.

Поэтому хруст собственных костей слышал просто замечательно. И каждый раз покрывался холодным потом. С ног до головы...

Мда. Порубили меня знатно – эдак через час после начала экзекуции я вдруг поймал себя на мысли, что в моем теле не может быть такого количества костей. Еще через час я понял, что на моем теле не может быть ни одного живого места. А где-то в полночь сообразил, ЧТО именно сделала для меня Мел – если бы не ее печать Чужой крови, так удачно подвернувшаяся мне под руку во время боя, я бы уже кормил червей у Полночного тракта...

– Все! – Голос знахарки, и без того не отличавшийся мелодичностью, звучал так, как будто из нее только что вытянули всю оставшуюся жизнь. Поэтому, открыв глаза и посмотрев на бледную, как полотно, старуху, я кивнул Марыське, дождался, пока она отдаст ей монету, и выдохнул:

– Спасибо...

Ответного «пожалуйста» дожидаться не удалось – спрятав деньги под одну из десятка нижних юбок, знахарка вскочила на ноги... и потеряла сознание!

– Действительно стара... – с непонятым раздражением пробормотала Марыська. И, с трудом подняв сухонькое тело знахарки с грязного земляного пола, отволокла ее к своему ложу. – Надеюсь, до утра оклемается.

Я вопросительно приподнял бровь и уставился на нее.

– Что? Почему я ее так ненавижу?

Я кивнул.

– Потому что... – помрачнела она. И, подхватив с лавки свой плащ, бросилась к входной двери...

Глава 11

Король Азам Истовый

Открыв глаза, его величество Азам Манорр вгляделся в полумрак своей опочивальни, вздохнул, осторожно перевернулся на правый бок... и удивленно замер: боли не было! Нигде! Не кололо сердце, не давило в правом подреберье, не жгло в животе. А еще не было изжоги. Не тряслись пальцы. Не мерзли ноги. Шевельнув рукой, король прислушался к своим ощущениям и криво усмехнулся – тело, налитое чужой жизнью, требовало движения.

Кинув взгляд в окно, за которым занимался рассвет, монарх потянулся к шнуру вызова слуг, висящему у изголовья... и остановил руку на полпути: лицезреть угодливую улыбку постельничего и полутора десятков придворных, пользующихся привилегией присутствовать во время его одевания, не было никакого желания.

«Я еще сплю...» – подумал он. И, перевернувшись на спину, подложил под голову еще одну подушку.

Тело двигалась так легко и послушно, что король, устроившись поудобнее, поднял над собой руку, несколько раз сжал пальцы в кулак. И... расстроено уставился на свое предплечье – за последние несколько лет оно похудело как минимум вдвое и ничем не напоминало мечевую⁴⁵ руку воина.

«Мда... Король называется...» – угрюмо подумал Азам и, повернув голову вправо, мрачно посмотрел на фамильный меч, лежащий на резной подставке из железного дерева: с момента, когда Проклятие Манорров вошло в полную силу, король к нему даже не подходил.

Немного полюбовавшись на хищный, вечно жаждущий крови клинок фламберга, Азам перевел взгляд чуть повыше. И уставился на портрет своего деда...

В предрассветном полумраке Астар Гневный казался более мрачным, чем обычно: опираясь на свой неподъемный посох, он смотрел на внука сверху вниз и презрительно кривил губы. Словно готовясь задать свой любимый вопрос: «Не надоело тебе себя жалеть?»

– Я себя не жалею... – вполголоса пробормотал монарх, с трудом оторвал взгляд от алой мантии последнего Одаренного в роду, решительно встал со своего ложа и подошел к окну. Полюбоваться на рассвет...

...Взгляд деда, сверлящий спину со стены, здорово действовал на нервы: казалось, что король Астар, маг Огня первой категории, искренне жалеет, что династия Манорров не закончилась на нем самом.

«Сам виноват... – зябко передернув плечами, подумал Азам. – Нечего было передавать корону старшему сыну, приближать к трону орден Создателя и тащить в Семиречье Академию магии. Да, лучшего варианта поддержки для лишнего Дара отца придумать было невозможно. Но... ведь это был не единственный выход, правда? Стоило уступить трон любому другому сыну – и все было бы иначе. Сильная правящая династия. И ни Проклятия, ни Слабости... Ничего...»

«Семиречьем должен править тот, кто ставит интересы короны выше своих собственных! Все остальное – мелочи...» – вспомнив любимое утверждение деда, монарх криво усмехнулся:

«Тебе было легко об этом говорить. Ты был здоров, полон сил и *силы*. И умер не от Проклятия, а в бою. Так, как подобает мужчине. А еще у тебя было восемь сыновей! Восемь, а не один! А из кого выбирать нам с отцом? Из одного наследника? У которого нет Дара, нет здоровья и нет будущего, а есть двадцать – двадцать пять лет нормальной жизни – и стремитель-

⁴⁵ Мечевая рука – правое предплечье воинов обычно было развито намного сильнее, чем левое.

ное угасание? Проклятие выжигает нас изнутри, дед! Только нашу ветвь рода! Все остальные Манорры умирали здоровыми! Так может, твой выбор был не таким уж и правильным?»

Додумать мысль до конца монарху не удалось – за его спиной еле слышно скрипнула дверь, а потом в опочивальне раздался удивленный голос постельничего:

– Ваше величество! Вы уже проснулись?

– Угу... – буркнул король. И повернулся спиной к серому, затянутому грозowymi облаками небу.

– Извольте начать одеваться, сир?

– Пожалуй...

– Извольте пригласить в опочива...

– Нет! – перебил постельничего Азам. – Сегодня у меня нет времени на лишние церемонии. Одеваться буду один. А вот на завтрак пригласи графа Герна и эрра Урдена.

– А... что сказать всем остальным, сир? – склонившись в поклоне, спросил придворный, и тут из-за портьеры раздался голос верховного мага:

– Я уже тут, сир... Доброе утро! Позвольте мне помочь вам с одеванием?

– Доброе утро, эрр Урден! – Король уселся на подоконник и, жестом отпустив постельничего, уставился на мага: – Что ты такой хмурый?

– Не выспался, ваше величество...

– Почему? Что тебе помешало?

– Инспектировал замок Потерянного времени, – вздохнул маг. Потом закрыл входную дверь, активировал амулет Полога молчания и продолжил: – Искал еще одного Одаренного...

– Зачем? – удивился Азам. – У меня полно сил. Я чувствую себя заново родившимся, и...

– Если вы поедете в Элинвар, сир, то полученной вчера силы вам хватит дней на двадцать...

Стоило королю представить себе очередной приступ Слабости, как по его спине потекли капельки холодного пота.

– Так мало? Почему?

– Оглянитесь вокруг, сир! – Эрр Урден сделал шаг к стене и провел пальцем по раме портрета его величества Арзая Бездаря, отца Азама. – Вокруг вас – сотни разнообразных *печатей*...

– Ну, да! Их трудно не заметить... – криво усмехнулся король. – Иногда мне кажется, что я – сказочный демон, заточенный в центр пентаграммы вызова. А где-то за этими стенами прячутся маги, истово жаждущие обменять свои души на бессмертие...

– Демонов не бывает, сир. – В глазах мага промелькнуло что-то, похожее на грусть. – А вот различных пентаграмм тут действительно предостаточно...

– А жаль... – вздохнул монарх. – Может, тогда у меня был бы хоть какой-то шанс на нормальную жизнь без жертвоприношений. Ладно, Создатель с ними, с демонами. Это я так, к слову. А если серьезно, то я прекрасно знаю, что за тридцать с лишним лет ты и твой покойный отец превратили дворец в одно из самых защищенных мест в мире...

– Мы – ваши преданные вассалы, сир! – Маг пожал тощими плечами и поклонился. – Только вот вы не совсем правильно поняли, чего мы добивались. Основная цель, которую мы ставили перед собой, – это максимально уменьшить количество *силы*, вытягиваемой из вас Проклятием. Мы сделали все, что могли, и сейчас оно тянет из вас крайне мало... А вот за пределами дворца...

– ...я медленно начну умирать... – скрипнув зубами, в унисон магу закончил король. – Так?

– Да, сир! – Отпираться эрр Урден не стал.

– А моя карета? Она же тоже вся в рунах! И когда я внутри, то тоже чувствую себя прекрасно... – задумчиво глядя на эрра Урдена, произнес король Азам.

– Увы, это иллюзия, сир! Да, и в ней есть защитные плетения, но их хватает едва на двое суток, а потом Проклятие начинает пить вашу жизнь в полную силу. Таким образом, дней через пять-семь после вашего приезда нам придется снова провести ритуал передачи жизни...

– Нет! Никакого ритуала! – прошипел король. – Поездка к мейну Лоуду отменяется: тратить на свои прихоти еще одну жизнь я не намерен...

– Но, сир, в сложившейся ситуации вызов в столицу мейн Лоуд может воспринять... не совсем правильно. Мне кажется, что, беседуя в Элинваре, вы бы имели некоторое моральное преимущество.

– Угу... – кивнул король. – Однако жизнь человека, даже виновного в самом чудовищном преступлении, – это слишком большая цена для того, чтобы платить ее за какое-то там моральное преимущество...

– Вы – настоящий король, сир! – уважительно сказал маг. И отвесил самый церемонный поклон, на который был способен. – Тогда, наверное, мне стоит обдумать текст приглашения?

Король утвердительно кивнул:

– Заодно и отправьшь... Только проследи за тем, чтобы мейн Лоуд получил его *после* того, как до него доберется граф Олиор...

– Конечно, сир! – усмехнулся эрр Урден. – Не использовать эффект от *такого* извинения – это преступление...

Симон Герн ел медленно и без аппетита. Золотая двузубая вилка, которой он отправлял в рот кусочки дичи, то застывала в воздухе, то надолго застревала в лежащей на золотом блюде тушке фазана. Он не обращал внимания ни на жареного поросенка, фаршированного зайчатиной, ни на пироги с сыром, ни на свежайшую выпечку. Мало того, он не притронулся даже к кубку с вином, наполненному виночерпием в самом начале трапезы. Значит, новости, которые его беспокоили, были серьезнее некуда.

Поэтому, кое-как утолив жуткий голод, терзающий его с момента ритуала, монарх жестом выставил из трапезной слуг и, приказав эрру Урдену активировать Полог молчания, вопросительно уставился на графа:

– Ну?

Сообразив, что завтрак закончился, капитан мгновенно оказался на ногах:

– У меня плохие новости, ваше величество...

– Я уже догадался... – поморщился Азам. И, кивком приказав капитану садиться, добавил: – Я слушаю.

– В Молаге, Ферсе и Лонсе критическая ситуация, сир! – усевшись на свое место, вздохнул граф. – Продуктов в городах практически не осталось, и люди на грани голодного бунта... Несмотря на все принятые меры, цены на продукты постоянно растут, и...

– Как так? Мы же отправили туда порядка десяти обозов с продовольствием? – перебил его король.

– Да, сир! Одиннадцать! Восемь из них уже добрались до места назначения, а еще три – пока в пути. Однако на городские рынки доставленные ими продукты так и не поступили...

– Как это «не поступили»? – нахмурился Азам Манорр. – Если вы только что сказали, что восемь обозов «добрались до места назначения»? Или я вас неправильно понял?

– Основная масса продуктов была раскуплена на рынках за городскими стенами... И сразу же исчезла в неизвестном направлении...

– Как исчезла? А солдаты, несущие службу на рынках? А дежурные маги? А бургомистры, в конце концов? – удивился верховный маг. – Неужели никто не видел, что к городу подошли эти обозы?

– Видели. Дежурные маги из боевой четверки проверили содержимое телег, солдаты взяли их под охрану, а старшие обозов начали передачу груза прибывшим на рынок бурго-

мистрам. А вот дальше начало твориться что-то непонятное. Судя по результатам расследования, проведенного служащими Тайного приказа, лидеры боевых четверок получили поддельные пакеты от командиров гарнизонов и немедленно убыли к противоположным воротам; старшие обозов вместе с солдатами, сопровождавшими груз, закончив передачу телег бургомистрам, отправились в казармы. А сами телеги – исчезли в неизвестном направлении!

– Что за бред, граф? – возмутился Азам Манорр. – Как это «исчезли»?

– На каждом из трех рынков, ваше величество, работали очень сильные иллюзионисты! Документы, полученные старшими обозов, оказались стопками нарезанного пергамента. Большинство солдат, принявших обоз под охрану, с утра мучились дикой головной болью. А отряды, отправленные по следам телег, умудрились заблудиться в окрестных лесах!

– Матеус Коротышка... – скрипнул зубами король Азам. – Вернее, барон Виттсир! Надо же было такое придумать? Получается, что миардианских иллюзионистов в Семиречье как минимум трое?

– Наверное, ваше величество... И все – как минимум первой категории...

– Скорее, магистры... – буркнул эрр Урден. – Иллюзия захватила весь рынок, не так ли? И ни один из торговцев или посетителей так и не смог вспомнить лиц тех, кто осуществил этот дерзкий грабеж, правда?

Граф Герн молча кивнул.

– Что ж... Миардианцы постарались на славу... – еле сдерживаясь, чтобы не заорать, прошипел король. – Найти обозы, конечно же, не удалось...

– Удалось, сир... – уставившись в пол, пробормотал капитан. – На сегодняшнее утро мне доложили о четырех. Эти твари отогнали их в лес и просто сожгли...

– Бургомистров – на плаху! Десятников городской стражи, несших дежурство на загородных рынках, – повесить!! Дежурных магов, оставивших место несения службы, – четвертовать!!!

– Простите, что перебиваю, ваше величество, но бургомистров мы казнить не сможем... – вздохнул граф Герн. – Два из трех были убиты во время передачи обозов из рук в руки. На третьего тоже покушались, но он выжил. Но находится на грани жизни и смерти... Казнить десятников? Можно. Но явная несправедливость такого приговора обязательно вызовет недовольство среди личного состава гарнизонов...

– Несправедливость? – Монарх уперся руками в подлокотники и приподнялся над тронном. – Вы считаете это несправедливостью?

– Да, сир! – посмотрев в глаза королю, подтвердил граф. – Солдаты – не маги. Значит, не могли видеть плетения иллюзионистов. Никак! Соответственно, в принципе не могут быть виновными в том, что произошло...

– Ну, а магов мы казнить можем? Или тоже нет?

– Их же удалили с рынков поддельными письмами, сир! Приказ командира гарнизона не обсуждается! Нет, если вы настаиваете, мы можем казнить и их, и командиров гарнизонов. Но это тоже будет ошибкой. Ибо и тех и других у нас не так много...

– Граф Герн прав, сир! – снова подал голос эрр Урден.

– Тогда, может, имеет смысл вручить каждому из тех, кто присутствовал на рынках во время этого грабежа, дворянские патенты? – понимая, что его советники правы, злобно прошипел король.

– Это будет лишним, сир! А вот отправить в каждый из городов еще по две-три боевые четверки, как мне кажется, необходимо...

– А еще надо взять под охрану колодцы, склады с продовольствием... – начал было верховный маг, но договорить не успел.

– Все это уже сделано! – вмешался граф. – Я приказал ввести во всех городах Пограничья военное положение. Соответственно, уже начато круглосуточное патрулирование улиц, на

стенах и у ворот выставляется удвоенное количество часовых, въезд и выезд из городов осуществляется только через одни ворота и только при предъявлении предписания, подписанного заместителем бургомистра или начальником гарнизона... Кроме того, на днях закончится уничтожение членов так называемых «ночных братств» и...

– А как продвигаются поиски лагерей так называемых «разбойников»? – жестом заставив графа замолчать, спросил король Азам.

– Обнаружено два предполагаемых места их ночевки. Уничтожено семь мелких шаяк, поймано восемь одиночек, имеющих отношение к ночному братству. И, самое главное, обнаружен один из отрядов миардианцев. В настоящее время они пытаются затеряться в отрогах Ледяного хребта.

– Вы уверены, что это именно миардианцы? – уточнил монарх.

– Да, сир, – кивнул капитан. – Судя по мозолям на руках трупов – это профессиональные солдаты...

– Трупов? – удивился король.

– В результате четырех коротких стычек наши солдаты уничтожили одиннадцать человек, сир!

– Кто старший отряда преследователей?

– Сотник Мурад Царапина, сир!

– Это тот, которому я в прошлом году вручил Стальную Стену?⁴⁶

– Он самый, ваше величество! – кивнул граф Герн. – У вас отличная память!

– Тогда я спокоен – этот их не отпустит... Еще новости есть?

– Да, сир... Несколько дней назад на Полуночном тракте попал в засаду и погиб барон Орейн. Судя по следам, оставленным нападавшими, его смерть – дело рук тех же миардианцев...

⁴⁶ **Стальная Стена** – почетная нашивка, вручаемая воину, первым взобравшемуся на стену вражеского города.

Глава 12

Баронесса Меллина Орейн

На четвертый день после отъезда Лагара эрр Маалус обозвал меня бесчувственным бревном. Нет, не открытым текстом – на такое непочтительное отношение к дочери своего сюзерена он был в принципе неспособен. Однако смысл десятиминутной тирады, которой он разразился, застав меня лежащей на кровати и спокойно изучающей амулет Алого безумия, при желании можно было выразить именно так.

Я не обиделась. Ибо и сама ощущала себя чем-то вроде этого самого бревна: сообщение о гибели отца не заставило меня плакать. Не вызвало ощущения отчаяния или трагической безысходности, а просто вымело из моей души все чувства. Кроме одного – желания отомстить.

Правда, это желание, терзавшее меня практически постоянно, было каким-то холодным: я не строила планов мести, не представляла себе разбойников ни в нашей темнице, ни в пыточном подвале, ни на виселице. Мне просто хотелось, чтобы они умерли. Желательно от моих рук. Поэтому, определившись со своими желаниями и целями, я принялась добросовестно изучать все найденные в кабинете отца стандартные амулеты, пытаюсь найти в них аналоги боевых печатей и точек их фокуса.

Зачем? О-о-о! Мысль, пришедшая мне в голову через сутки после отъезда Лагара, была проста, как медная монета: разбойники, убившие моего отца, знали отроги Ледяного хребта как свои пять пальцев. А значит, могли уйти от преследования. Соответственно, шансы принять участие в их уничтожении у меня были: достаточно дождаться возвращения Лагара, убедить его «попутешествовать» по Полуночному тракту и отправиться туда вместе с ним.

Нет. Стать обузой я не боялась – пусть мой резерв был невелик, но я умела лечить. И довольно неплохо обращалась с мечом. А еще у меня появились весьма интересная идея по поводу того, каким образом я смогу ускорить уничтожение убийц.

Вкратце суть ее была такова: разбойники, участвовавшие в нападении, не боялись атаковать отряды, в которых были маги. Да, не только потому, что у них был иллюзионист. Тот самый, которого убил Крегг. Для полноценного боя против хорошей боевой четверки одного иллюзиониста было слишком мало. Значит, у каждого из разбойников должны быть амулеты. Причем не самые дешевые. Значит, на груди у каждого из них висела деревяшка, напитанная силой создавшего ее рунного мага. А я могла обратить эту силу против своего хозяина...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.